

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

**Дискурс
профессиональной
коммуникации**

VOLUME 5 ISSUE 2
2023

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Aleksey N. Aleksakhin

MGIMO University, Moscow, Russia

Aleksandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

Antonina A. Kharkovskaya

Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoriya L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Oleg A. Radchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

The Founder: MGIMO University

Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Алексахин Алексей Николаевич

доктор филологических наук, профессор кафедры
китайского, вьетнамского, лаосского и тайского
языков МГИМО МИД России

Анисимова Александра Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языкознания, Московский
университет имени М.В. Ломоносова

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой английской филологии, Ереванский
государственный университет, Армения

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой английской филологии,
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина

Клюканов Игорь Ангелевич

доктор филологических наук, профессор,
Восточный Вашингтонский университет, США

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета
Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный
член Российской академии естественных наук,
профессор Пекинского университета
иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

доктор филологических наук, доцент
кафедры английского языка №4,
МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой иностранных языков
экономического факультета, Российский
университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета,
Хельсинки университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка №4
МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор
института межкультурной коммуникации
и международных отношений, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и сравнительного
языкознания, Московский государственный
лингвистический университет

Синекопова Галина Васильевна	кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США
Харьковская Антонина Александровна	кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Чекулай Игорь Владимирович	доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

From Shakespeare to Mass Media: Bridging Linguistic and Cultural Boundaries in Diverse Academic and Professional Domains	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko	

Original article

Evidentiality in the Age of Multimodal Communication: a Linguosynergetic Analysis of Mass Media Texts	10
by Dmitry V. Kozlovsky	

Language, Politics, and Identity: an Interdisciplinary Investigation of Modern Political Discourse	31
by Marina A. Chigasheva, Maria A. Yelizaryeva, Vera A. Nagumanova, Ekaterina A. Makushkina	

Interpretational Circle as the Key Principle of the Philological Investigations of William Shakespeare's Non-Dramatic Texts	46
by Andrey A. Lipgart	

Connotative Meanings of Color in Algerian Culture: Case Study of Red and Yellow	60
by Nouredine Derki	

Stretching Reality: the Function & Translation of Hyperbole in Anglophone Satirical Science Fiction Literature	70
by Alina Yu. Ievleva, Dmitry S. Khramchenko	

Bringing Modern Russian Literature to Life: an Innovative Textbook Using Content and Language Integrated Learning for Students of Russian as a Foreign Language	81
by Inna A. Pronicheva	

Conference Report

New Opportunities for the Humanities: Professional Polylogue in a Multilingual World Review of the first international scientific and practical conference "Professional polylogue in a multilingual world: language, culture, method" (Moscow, April 6–7, 2023).	90
by Sofia A. Bakaeva, Ekaterina A. Samorodova	

Содержание

От Шекспира к дискурсу масс-медиа: преодоление языковых и культурных различий в академической и профессиональной сферах	7
Храмченко Д.С.	

Оригинальные статьи

Мультимодальные средства актуализации категории «эвиденциальность» в массмедийном дискурсе	10
Козловский Д.В.	

Междисциплинарный подход к исследованию современного политического дискурса	31
Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Нагуманова В.А., Макушкина Е.А.	

Интерпретационный круг как ключевой принцип исследования недраматургических произведений У. Шекспира	46
Липгарт А.А.	

Коннотативное значение красного и желтого цветов в алжирской культуре	60
Нуреддин Дерки	

Функционирование и перевод гиперболы в англоязычном научно-фантастическом художественном тексте	70
Иевлева А.Ю., Храмченко Д.С.	

Использование предметно-языкового интегрированного обучения при разработке учебного пособия по современной русской литературе для изучающих русский язык как иностранный	81
Проничева И.А.	

Новости научной жизни

Новые возможности для гуманитарной науки: профессиональный полилог в мультилингвальном мире	90
Бакаева С.А., Самородова Е.А.	

FROM SHAKESPEARE TO MASS MEDIA: BRIDGING LINGUISTIC AND CULTURAL BOUNDARIES IN DIVERSE ACADEMIC AND PROFESSIONAL DOMAINS

*Dmitry S. Khramchenko,
Editor-in-Chief*

Welcome to Volume 5 Issue 2 of *Professional Discourse & Communication*. This issue explores the theme of bridging linguistic and cultural boundaries in various academic and professional domains. Language and culture shape our communication practices in both personal and professional contexts. But how can we communicate effectively across multiple differences in a world that is more diverse and interconnected than ever before? And how can we navigate the challenges and opportunities that arise from working and interacting with individuals from different backgrounds? Issue 2 examines these questions and more, as it showcases how language and culture influence communication practices in different types of professionally-oriented discourse, and shares effective strategies for enhancing understanding and collaboration.

This issue covers a diverse range of topics related to professional discourse and communication, including evidentiality in mass media texts and the role of multimodal means, political discourse in Germany and the manifestation of national identity, the interpretational circle method and Shakespeare's non-dramatic texts, connotative meanings of colors in Algerian culture, and hyperbole as a satirical technique in English-language science fiction and its translation challenges. Additionally, the issue presents innovative approaches to teaching foreign languages, such as the Content and Language Integrated Learning (CLIL) method, and focuses on teaching modern Russian literature to foreign language students. These articles offer valuable insights for professionals working in the fields of language education, linguistics, media and cultural studies.

Readers interested in language, culture, and literature will find this issue informative and engaging.

PDC's Volume 5 Issue 2 shows how professional communication studies enrich various research domains. The articles explore the sphere of mass media, political discourse, Shakespearean works, cultural meanings of colors, and translation challenges, demonstrating the value of professional communication skills for analyzing and understanding different texts and contexts. Professional discourse inquiry enables individuals to handle complex communicative situations, respect different perspectives, and express messages with accuracy and clarity. These skills are essential for interpreting linguistic and cultural nuances, creating innovative teaching methods for foreign language learners, and communicating intricate ideas across cultural and linguistic barriers. This issue highlights the key role of professional communication studies in enhancing verbal interaction and promoting intercultural understanding in many academic and professional fields.

Dmitry V. Kozlovsky's opening article "Evidentiality in the Age of Multimodal Communication: A Linguosynergetic Analysis of Mass Media Texts" explores how modern mass media discourse uses more than words to show the source and reliability of information. The author calls this evidentiality, a type of modality that tells us how trustworthy

the information is. He uses linguosynergetic analysis and various methods to examine how multimodal means, such as nonverbal components, visual modus, and hyperlinks, add to and change the meaning of linguistic evidential markers and affect readers' judgments of the information. The article looks at different discursive contexts from various mass media genres and definitions from online dictionaries of modern English to reveal the complexity of evidentiality in mass media discourse. The findings show that multimodal means can make evidential semantics richer and more expressive and work together with linguistic indicators of evidentiality to achieve the journalists' communicative goals. The research also demonstrates the importance of multimodal means in creating meaning beyond words and how they influence the reader's interpretation of the information. The article is relevant for media professionals and other fields where effective communication is crucial, such as law, healthcare, and education, highlighting the importance of considering multimodal means in conveying meaning beyond words, which is especially relevant in professional contexts. By exploring how multimodal means can be used to enhance evidential semantics, the study provides important ideas about the complexities of professional discourse and communication.

In today's rapidly changing political landscape, the role of language in shaping and reflecting societal values and identities is becoming increasingly apparent. This has led to the emergence of the interdisciplinary study of political discourse as a crucial area of research for linguists and political scientists alike. Marina A. Chigasheva, Maria A. Yelizaryeva, Vera A. Nagumanova, and Ekaterina A. Makushkina present an insightful analysis of political discourse in Germany in their article "Language, Politics, and Identity: An Interdisciplinary Investigation of Modern Political Discourse." They used a multidisciplinary approach to examine public speeches by leading German politicians at international and national events. Their findings reveal how linguistic and political science studies can work together to provide a nuanced understanding of the manifestation of national identity in political discourse. The authors' interdisciplinary analysis highlights the importance of collaboration between different fields to deepen our understanding of the complex relationship between language, politics, and identity in the modern political landscape.

In "Interpretational Circle as the Key Principle of the Philological Investigations of William Shakespeare's Non-Dramatic Texts", Andrey A. Lipgart challenges us to rethink how we approach William Shakespeare's non-dramatic texts. He argues that these texts are not mere literary artifacts, but windows into the mind and world of the greatest playwright in history. The article proposes that we use an interpretational circle method to uncover the hidden meanings and messages in Shakespeare's sonnets and narrative poems. This method requires to use critical thinking, research skills, and literary analysis to connect the dots between the texts and their historical and cultural contexts. But that's not all. Professor Lipgart also reminds us that Shakespearean studies demand a range of other professional competencies, such as the ability to navigate complex literary texts, interpret biographical information and sources, apply interdisciplinary knowledge and theories, and appreciate Shakespeare's language and translation issues. The article is a testament to the richness and complexity of Shakespeare's non-dramatic texts and the skills needed to explore them.

In the article "Connotative Meanings of Color in Algerian Culture: Case Study of Red and Yellow", Nouredine Derki explores how the colors red and yellow can mean different things in Algerian culture. The author argues that these colors are not just visual elements, but cultural symbols that convey various meanings in different contexts. Using a pragmat-

ic perspective, the study examines how these colors are used and interpreted in Algerian press, TV shows, and social media. The author also conducts a Discourse Completion Task questionnaire among both male and female Algerian students to find out the appropriate meaning of each color in different situations. The study's findings uncover the cultural connotations and symbolism of colors in Algerian society. They hold significance for professionals, such as those in advertising, marketing, and international business, who need to communicate and comprehend effectively across cultures.

In "Stretching Reality: Exploring Hyperbole in Anglophone Satirical Science Fiction Literature and Its Translation," Alina Yu. Ievleva and Dmitry S. Khramchenko delve into the fascinating world of hyperbole as a satirical technique in English-language science fiction and the complexities of translating it into Russian. Through meticulous linguistic and translation analysis, the authors reveal the multifaceted nature of hyperbole and its power to create satirical effects, accentuating the author's viewpoint and provoking critical thinking among readers. Centering their research on one novel and its two translations, the authors identify two unique forms of hyperbolic exaggerations. Their findings underscore the crucial role of professional translators in recognizing and conveying hyperbole to maintain the writer's intended meaning. This article not only sheds light on the importance of hyperbole in science fiction but also addresses the challenges faced during its translation. It offers valuable insights into the artistry of hyperbole as a tool for tackling real-world issues and captivating readers, making a contribution to the fields of both science fiction studies and the theory of translation.

Inna A. Pronicheva's "Bringing Modern Russian Literature to Life: An Innovative Textbook Using Content and Language Integrated Learning for Students of Russian as a Foreign Language," advocates for a novel approach to teaching modern Russian literature. By employing Content and Language Integrated Learning, the author underscores the benefits of merging language and content instruction, thereby affording students the opportunity to simultaneously cultivate their linguistic and cultural competencies. The meticulously designed textbook, described in the article, encompasses an array of authentic texts and materials suitable for both in-class and homework assignments for students studying Russian as a foreign language. This method not only bolsters learners' comprehension and appreciation of modern Russian literature but also enhances their language proficiency. The article offers a much-needed perspective on the effective application of CLIL for teaching literature to foreign language students, making it an essential read for educators seeking to refine their pedagogical techniques in this domain.

At the end of the issue, Sofia Bakaeva and Ekaterina Samorodova present a report on the First International Scientific and Practical Conference titled "Professional Polylogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method." The conference brought together researchers and practitioners in the field of linguistics of professional communication and education from different countries to reflect on the current trends and problematic areas of professional interaction and foreign language teaching.

Finally, the editorial team would like to express their gratitude to the authors who have contributed to this issue, as well as to the reviewers who have generously given their time and expertise to help maintain the high standards of the journal. We hope that readers will find the selected articles to be thought-provoking, engaging, and informative, and we look forward to receiving your feedback and suggestions for future issues. Thank you for your continued support of "Professional Discourse & Communication".

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-10-30>

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Козловский

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

(Саратов, Россия)

kozlovskydv@yandex.ru

Аннотация: Актуальность данной работы определяется необходимостью уточнения специфики функционирования модусной категории «эвиденциальность» в современных текстах массмедиа, характеризующихся наличием мультимодальных средств, к числу которых относятся невербальные компоненты коммуникации, визуальный модус, а также гиперссылки. Указанные средства способствуют усилению либо расширению эвиденциальной семантики, используются автором для оказания необходимого воздействия на читателя за счёт убеждения последнего в актуальности/неактуальности, достоверности/недостоверности, истинности/ложности транслируемых сведений и их источника, а также коммуникативно-обусловленной ситуации. Кроме того, мультимодальные средства делают возможной передачу различных оттенков эвиденциального значения: размышления, сомнения, уверенности, утверждения, цитатива. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в рамках массмедийного дискурса мультимодальные средства выступают в качестве дополнительных ресурсов актуализации эвиденциальной семантики за счёт своей многоплановости, предполагающей возможность их комбинирования с различными лингвистическими показателями категории «эвиденциальность» в зависимости от коммуникативных намерений автора. Исследование выполнено на основании лингвосинергетического анализа с использованием методов сплошной выборки, количественного, функционально-семантического, а также контекстуально-ситуативного анализа. Материал исследования составляют дискурсивные контексты из передовых информационных, научных, общеисследовательских и практико-аналитических статей, а также дефиниции из электронных версий словарей современного английского языка.

Ключевые слова: эвиденциальность, модусная категория, мультимодальные средства, лингвосинергетический анализ, автор, читатель.

Для цитирования: Козловский Д.В. (2023). Мультимодальные средства актуализации категории «эвиденциальность» в массмедийном дискурсе. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 5(2), С. 10–30. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-10-30>

1. ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI в. ознаменовало развитие цифровых технологий на основе информационной революции, а также процессов глобализации. Переход к цифровой эре стал катализатором медиатизации СМИ и определил перевод печатных текстов в электронный формат. Цифровая революция привела к изменению отношений автора текста и его читателя. В процессе интернет-коммуникации их взаимодействие происходит при помощи интернет-страниц, содержащих различные сведения и выступающих в качестве цифровых средств передачи информации [Дедова, 2005]. К ключевым характеристикам цифровой среды относятся изменчивость (возможность модификации содержания), интерактивность (синхронная и асинхронная коммуникация посредством социальных сетей, SMS, форумов, чатов, электронных писем), а также мультимедийность (объединение в едином информационном пространстве письменного текста и других форм представления сведений: графических изображений, аудио- и видеозаписей) [Шомова, 2017].

Развивающийся и трансформирующийся в рамках цифровой культуры дискурс включает в себя текст и контекст, встроенные в современную научную парадигму в условиях дигитализации [Игнатова, 2022, с. 57]. Цифровой дискурс предстаёт как элемент виртуальной, информационной и коммуникативной системы медиапространства и выступает в качестве современной формы представления и обработки различного рода данных [Иванова, 2017, с. 34]. В процессе цифровизации дискурсивного пространства возникают новые дискурсивные регуляторы организации содержания транслируемых сведений, отражающие картину мира автора, его интерпретацию и оценку сведений, а также специфику оказываемого воздействия на читателя дискурса [Спиридонова, 2019]. Ввиду этого, особую значимость приобретает исследование характера передаваемых сообщений, а также источника получения информации о том или ином событии. Указанные показатели являются основополагающими при выявлении эвиденциальной семантики и обуславливают необходимость рассмотрения функционирования категории «эвиденциальность» в массмедийном дискурсе.

Современное медийное пространство оказывает существенное воздействие на дискурс. В рамках активной медиатизации происходит переход от линейного текста к гипертексту, в ходе рассмотрения которого анализируется не только вербальный код передачи сведений, но и различные невербальные показатели [Ополе, 2018, с. 106; Никонова, 2022]. Гетерогенная природа гипертекста может быть изучена сквозь призму лингвистической синергетики, предоставляющей широкие возможности для описания дискурса как сложной динамической открытой системы [Малахова, 2021]. В подобном ракурсе рассмотрения в качестве одной из наиболее значимых идей выступает утверждение о мультимодальной природе дискурса [Козловский, 2022; Омеляненко, Ремчукова, 2018, с. 66]. С позиции лингвосинергетики пространство дискурса объединяет вербальные и невербальные средства оказания воздействия на адресата/читателя, а мультимодальность служит одним из важнейших параметров анализа различных каналов передачи сведений в коммуникативном процессе.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью уточнения особенностей функционирования модусной категории «эвиденциальность» в пространстве массмедийного дискурса. Цель исследования состоит в комплексном лингвосинергетическом описании репрезентации мультимодальных ресурсов, усиливающих или расширяющих эвиденциальное воздействие на читателя и способствующих реализации коммуникативных намерений автора дискурса. Важно подчеркнуть, что ранее нами уже были рассмотрены мультимо-

дальние средства, усиливающие эвиденциальную семантику в рамках политического медиадискурса [Козловский, 2022]. Однако данное исследование не учитывало невербальные компоненты коммуникации, а также расширение эвиденциального воздействия на конечного адресата.

2. МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили электронные версии статей журналов *The Economist* и *The New York Times* за 2021-2022 годы. Представляется возможным выделить два этапа исследования. На первом этапе при помощи метода сплошной выборки было отобрано 100 статей, в рамках которых было выделено 500 дискурсивных эвиденциальных контекстов, обладающих базовой и добавочной эвиденциальной семантикой и составивших эмпирическую базу работы. После чего нами были выделены дискурсивные контексты, содержащие невербальные компоненты коммуникации, визуальный модус, гиперссылки, либо сочетание данных мультимодальных ресурсов. Проведение второго этапа исследования было обусловлено необходимостью установления коммуникативно-прагматической направленности обозначенных мультимодальных ресурсов. На данном этапе проводился лингвосинергетический анализ эвиденциальных дискурсивных контекстов. Это позволило установить и описать базовую и добавочную эвиденциальную семантику, а также выявить синергию эвиденциальности с невербальными маркерами, визуальным модусом и гиперссылкой в ходе реализации коммуникативных намерений автора дискурса.

3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Достижение целей исследования вызывает необходимость описания лежащих в его основе понятий «эвиденциальность», «лингвосинергетический анализ», «базовая эвиденциальная семантика», «добавочная эвиденциальная семантика», «дискурсивный эвиденциальный контекст», «эвиденциальное воздействие», «невербальные компоненты коммуникации», «визуальный модус», а также «гиперссылка».

Термин «эвиденциальность» был введён в научный обиход Ф. Боасом, однако широкое распространение получил после публикации труда Р.О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». Согласно лингвисту, эвиденциальность относится к числу глагольных категорий и учитывает три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемость факта сообщения – иными словами, служит для указания на источник информации о сообщаемом событии [Jakobsen, 1957]. Наиболее исчерпывающее определение категории «эвиденциальность» было предложено В.А. Плунгяном. По его мнению, под эвиденциальностью следует понимать репрезентирующие различные структурные и функциональные элементы речи, описывающие источник сведений, а также характер и способ получения информации. Тем самым с помощью данной категории говорящий демонстрирует, каким образом он узнал о том или ином событии [Плунгян, 2003, с. 321].

В рамках современных лингвистических исследований учёные рассматривают эвиденциальность в качестве квалификативной модусной категории, к значениям которой, помимо маркировки источника сведений, относится квалификация, а также оценка актуальности, потенциальности, достоверности и истинности транслируемых сведений автором/говорящим. Формируемая семантика обеспечивает возможность смыслообразования с целью оказания воздействия на конечного адресата/ читателя [Хазиева, 2018; Чанышева, 2016].

Эвиденциальность может актуализироваться в дискурсе при помощи различных языковых средств, к числу которых относятся глаголы, модальные слова, наречия, существительные, прилагательные, устойчивые словосочетания. Указанные показатели составляют 10 групп операторов: выражения мнения (*conclude, give an opinion, maintain*), косвенного указания (*allude, refer, whisper*), мыслительной деятельности (*contemplate, reflect, think*), прогнозирования (*calculate, forecast, project*), сомнения (*have some doubts, hesitate, mistrust*), уверенности в знании (*be sure, certain, repose*), умственного восприятия (*cite, forget, memory*), усиления значимости высказывания (*accent, assured, put emphasis on*), чувственного восприятия (*apprehend, feel, see*) и явного указания (*convey, state, tell*) [Козловский, 2023, с. 154].

Лингвосинергетический анализ является универсальным способом изучения модусной категории «эвиденциальность». Данный метод позволяет сформировать целостное представление о смысловом поле эвиденциальности, а также соответствует критическому исследованию, за счёт возможности применения различных способов анализа актуализации данной категории в дискурсивном пространстве массмедиа. Проведение лингвосинергетического анализа требует исследования специфики взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, возникающих в результате взаимодействия эвиденциальных маркеров различных групп с показателями других модусных категорий. С позиции лингвистической синергетики эвиденциальность (Ev) выступает в качестве центрального элемента синергетической эвиденциальной модели и включает значения таких модусных категорий как «восприятие» (Ap), «авторизация» (A), «темпоральность» (T) и «персональность» (Ps), составляющих базовую эвиденциальную семантику ($Evs = Ev + A + Ap + Ps + T$). Наряду с этим, эвиденциальность (Evs) может дополняться смыслами категорий «модальность» (M), «отрицание» (D), «персуазивность» (P), «оценочность» (Evl), «эмотивность» (Emt), «экспрессивность» (Ex), а также «аппроксимация» ($Aprx$). Итогом комбинирования полимодальных смыслов Evs и $D, M, Evl, P, Ex, Emt, Aprx$ является формирование «добавочной эвиденциальной семантики».

Лингвосинергетический анализ предполагает исследование особенностей репрезентации базовой и добавочной эвиденциальной семантики в рамках *дискурсивного эвиденциального контекста*, характеризующегося речевым и ситуационным компонентом. Речевой компонент представляет одно или несколько эвиденциальных высказываний, в то время как ситуационный компонент описывает коммуникативную ситуацию и окружающий контекст. В структуре любого эвиденциального высказывания можно выделить профазу, в ходе развёртывания которой автор/субъект коммуникации маркирует источник сообщения и интерпретирует сведения посредством определённого эвиденциального оператора, а также эпифазу, модифицирующую либо суммирующую значение, актуализируемое профазой. С позиции лингвосинергетики, точка обозначения источника сообщения, а также точка актуализации эвиденциального оператора являются узловыми точками развёртывания дискурсивного эвиденциального контекста. В свою очередь, промежуточную область развёртывания составляет всё остальное пространство анализируемого контекста.

Проведение лингвосинергетического анализа требует реализации алгоритма исследования, включающего 5 обязательных шагов:

(1) установление границ, структурной и тематической организации дискурсивного эвиденциального контекста; (2) изучение субъектно-объектной перспективы контекста; (3) выявление эвиденциальных маркеров и определение базовой эвиденциальной семантики контекста; (4) анализ взаимодополнения и взаимопроникновения полимодальных смыс-

лов, описание добавочной и мультимодальной эвиденциальной семантики дискурсивного контекста; (5) выявление специфики эвиденциального воздействия автора дискурсивного контекста на читателя.

Под *эвиденциальным воздействием* понимаем языковой приём, направленный на реализацию коммуникативных намерений автора дискурса. Эвиденциальное воздействие связано с осуществлением контроля над сознанием читателя дискурса посредством субъективного представления источника транслируемых сведений, а также оценки сообщаемых фактов. Задача автора заключается в умелом внедрении в сознание адресата определённых желаний, намерений, отношений, оценок, убеждений и установок. Эвиденциальное воздействие может характеризоваться явным или скрытым характером. Семантика явного воздействия формируется в узловых точках, в то время как скрытое воздействие обнаруживается в промежуточной области развертывания дискурсивного эвиденциального контекста.

Для достижения необходимого эффекта эвиденциального воздействия требуется использование целого спектра коммуникативных средств, в том числе и невербальных. Невербальными называются компоненты коммуникации, не являющиеся языковыми знаками, но используемые в процессе общения и выражающие определенное содержание. К *невербальным компонентам коммуникации* относятся жестикация, мимика, перемещения партнеров по коммуникации относительно друг друга, тактильная коммуникация, визуальное взаимодействие (зрительный контакт, направление взгляда), телодвижения, а также акустические речевые аспекты (высота и диапазон тона, интонация, качество голоса, паузы, темп речи) [Железанова, 2008].

Невербальные маркеры ситуации взаимодействуют с вербальными эвиденциальными операторами, определяют источник транслируемых сведений, придают информации дополнительное значение в зависимости от дискурсивного эвиденциального контекста и формируют следующие виды модусной категории «эвиденциальность»: визуальная эвиденциальность (*cast a glance over, have a look at, have peep at*), жестикулярная эвиденциальность (*give a shrug of the shoulders, raise one's hand by way of salute, shrug off the question*), имматериальная эвиденциальность (*a disposition of Providence, by the grace of God; by the will of God*), мимическая эвиденциальность (*arch eyebrows, break into a smile, dimple up*), позиционная эвиденциальность (*crouch, lock one's fingers, spread out one's legs*), просодическая эвиденциальность (*elevate the voice, in a loud voice, pitch a tune higher*), проксемическая эвиденциальность (*face squarely, sit opposite, sit side by side*), такесическая эвиденциальность (*lock in arms, pat on the back, pull into arms*), фоническая эвиденциальность (*pregnant pause, say nothing, sigh of relief*) [Козловский, 2023, с.156].

В рамках настоящей работы *визуальный модус* представляет собой способ передачи информации не только через содержание текста, но и через изображения, сопровождающие и дополняющие текст. Визуальный модус призван репрезентировать взаимосвязь изображения и текста в электронном дискурсе, при этом изображение может иллюстрировать, усиливать и расширять передаваемые автором сведения [Barthes, 1977]. Близость изображения и дискурса приводит к их синергии в ходе оказания эвиденциального воздействия на сознание читателя и выступает в качестве примера мультимодальности. Тем самым текст и изображение отражают обязательные составляющие смысла, актуализируемые исключительно в ходе их объединения.

В качестве ещё одного инструмента эвиденциального воздействия может выступать гиперссылка, представляющая собой выделенный (с помощью средств экранной визуализации) фрагмент электронного документа. Гиперссылка представляет часть текста и обладает

скрытым от пользователя адресом (местом перехода). Для осуществления перехода пользователю необходимо активировать гиперссылку [Фримен, 2012]. Активация обеспечивает вызов на экран соответствующего гиперссылке документа, содержащего те или иные сведения [Курилина, 2019, с. 91]. В рамках массмедийного дискурса автор вправе самостоятельно определять критерии, по которым те или иные фрагменты дискурсивного эвиденциального контекста снабжаются гиперссылками. Это позволяет рассматривать гиперссылку как инструмент эвиденциального воздействия на читателя, посредством которого реализуются коммуникативные намерения автора.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проведенного анализа показывают, что с позиции функционального аспекта мультимодальность может выступать в качестве средства расширения и усиления эвиденциального воздействия в массмедийном дискурсивном пространстве. Нами было выявлено, что в процессе развёртывания дискурсивного эвиденциального контекста мультимодальность может реализовываться за счёт включения невербальных компонентов коммуникации, а также обращения автора к гиперссылкам и визуальному модусу. В пространстве современного англоязычного медиадискурса базовая и добавочная эвиденциальная семантика дискурсивного эвиденциального контекста дополняются описанием невербальных средств (14 % примеров), визуальным модусом (24 % примеров) и гиперссылками (50 % примеров). Важно подчеркнуть, что употребление мультимодальных показателей имеет своей целью модифицировать эффект эвиденциального воздействия, оказываемого в рамках дискурсивного контекста. Невербальные компоненты коммуникации, гиперссылки, и визуальный модус иллюстрируют и детализируют источник сообщения, а также содержание транслируемых сведений, способствуют интерпретации и квалификации информации для оказания желаемого воздействия на читателя, при этом в своих суждениях автор опирается как на рациональные обоснования, так и на эмоционально-оценочные средства воздействия. Мультимодальность может усиливать авторскую аргументацию, а также упрощать выражение явного/неявного знания говорящего с учётом истинностного характера сведений и их источника.

4.1. Модификация эвиденциального воздействия с помощью невербальных компонентов коммуникации (14 % примеров)

Эвиденциальность может усиливаться или расширяться за счёт обращения к невербальным маркерам ситуации. Усиление эвиденциальной семантики (55 % примеров) используется для привлечения и удержания внимания читателя на содержащихся в дискурсивном эвиденциальном контексте фактах. Автор может стремиться побудить конечного адресата сделать что-либо для осуществления своих коммуникативных намерений за счёт комбинирования лексической засвидетельствованности с вербальным представлением невербальных и паравербальных мультимодальных ресурсов. Тем самым посредством использования невербальных компонентов коммуникации и с целью эффективного представления информации автор стремится подчеркнуть наиболее значимые сведения. Немаловажно, что невербальные маркеры, усиливающие эвиденциальную семантику, актуализируются в профазе эвиденциального высказывания.

Расширение эвиденциальной семантики (45 % примеров) наблюдается в ситуации, когда невербальные компоненты коммуникации не только сопровождают квалифицируемые с помощью лексических эвиденциальных показателей сведения, но и дополняют или заменяют их, выступая как самостоятельное средство передачи информации. При этом информация, которая передаётся с помощью вербальных и невербальных показателей может совпадать, а может и не совпадать. В силу того, что в отличие от вербальных средств невербальные компоненты коммуникации осознаются читателем не в полной мере, расширение эвиденциальной семантики может использоваться автором для дезориентации конечного адресата: выведения его из состояния эмоционального равновесия. Такого рода семантика обнаруживается в промежуточной области развёртывания эвиденциального высказывания/контекста. В этой связи особый интерес представляют следующие дискурсивные отрывки (1) и (2):

(1) *One idea has taken particular hold among effective altruists: longtermism. In 2005 Nick Bostrom, a Swedish philosopher, took to the stage at a ted conference in a rumpled, loose-fitting beige suit. In a loud staccato voice he told his audience that death was an “economically enormously wasteful” phenomenon. According to four studies, including one of his own, there was a “substantial risk” that humankind wouldn’t survive the next century, he said* [The good delusion: has effective altruism broken bad 2022] / *Одна идея особенно прижилась среди истинных альтруистов: долгосрочность. В 2005 году Ник Бустрём, шведский философ, вышел на сцену конференции Ted в мятом свободном бежевом костюме. Громким отрывистым голосом он сказал своим слушателям, что смерть – «чрезвычайно расточительное с экономической точки зрения» явление. По его словам, согласно четырем исследованиям, в том числе одному из его собственных, существует «серьезный риск» того, что человечество не переживет следующее столетие* (здесь и далее перевод наш. – Д.К.).

Эвиденциальный контекст (1) описывает деятельность общественного движения «эффективный альтруизм», основанного в 2017 году. Косвенная эвиденциальная семантика дискурсивного отрывка выражается с помощью операторов явного указания *tell / сказать* (*to say something to someone, often giving them information or instructions* [Cambridge Dictionary] / *сказать что-то кому-то, часто в форме информации или инструкций*), *according to / согласно* (*as stated by* [Cambridge Dictionary] / *как указывается кем-либо*) и *say / говорить* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*). Данные операторы обладают цитативным значением и передают сведения, представленные шведским философом Ником Бустрёмом (C2). Базовая эвиденциальная семантика (*Evs*) настоящего дискурсивного контекста маркирует нейтральный характер транслируемых сведений, анализирует информационную интенциональную доминанту и призвана проинформировать потенциального читателя (O) об основополагающих принципах движения.

Наряду с этим, вербальная эвиденциальность обогащается невербальной засвидетельствованностью. В ходе передачи информации автор статьи (C1) обращается к невербальному маркеру ситуации *in a loud staccato voice / громким отрывистым голосом*, расположенному в профазе эвиденциального высказывания *in a loud staccato voice he told his audience that death was an “economically enormously wasteful” phenomenon / громким отрывистым голосом он сказал своим слушателям, что смерть – «чрезвычайно расточительное с экономической точки зрения» явление*. Сочетание лингвистических и паралингвистических эвиденциальных показателей позволяет говорить о просодической эвиденциальной семантике. Посредством описанного выше невербального компонента коммуникации C1 подчёркивает

экспрессивность слов *C2* и привлекает внимание читателя (*O*) к вопросу взаимосвязи смертности и экономики. Таким образом, в рамках настоящего дискурсивного контекста мульти-модальность усиливает формируемую эвиденциальную семантику.

(2) *Once considered an archetypal swing – or “purple” – state, Florida’s political map now shows a few scattered Democratic blue islands in a sea of Republican red. Republicans won 20 of the state’s 28 House races, four more than in 2020, in part thanks to a redistricting effort that Mr DeSantis engineered. “We not only won the election, we have rewritten the political map,” he crowed in his victory speech. “Two more years,” his supporters chanted back. They meant that Mr DeSantis should serve only half his next gubernatorial term before relocating to the White House. Having previously refused to say that he would stick it out in Tallahassee for another four years, the governor smiled back* [The rise of Ron DeSanctimonious 2022] / Политическая карта Флориды, когда-то считавшейся архетипическим колеблющимся или «фиолетовым» штатом, теперь **показывает** несколько разбросанных демократических голубых островов в красном республиканском море. Республиканцы выиграли 20 из 28 выборов в палату представителей штата, что на четыре больше, чем в 2020 году, отчасти благодаря усилиям по перераспределению избирательных округов, организованным господином Десантисом. «Мы не только выиграли выборы, мы переписали политическую карту», – **провозгласил** он в своей победной речи. «Еще два года», – **скандировали** в ответ его сторонники. Они **имели в виду**, что господин Десантис должен отбыть только половину своего следующего губернаторского срока, прежде чем перебраться в Белый дом. Ранее отказавшись **сказать**, что он продержится в Таллахасси еще четыре года, губернатор **улыбнулся в ответ**.

Автор (*C1*) дискурсивного эвиденциального (2) контекста рассуждает о шансах губернатора Флориды Рона Десантиса стать новым президентом США. Эвиденциальность передаётся с помощью оператора явного указания *show* / *показывать* (*if something shows that a state of affairs exists, it gives information that proves it or makes it clear to people* [Collins Online Dictionary] / *если что-либо показывает текущее положение дел, оно содержит информацию, позволяющую доказать или прояснить это людям*), указывающего на доминирование республиканцев на политической карте США; оператора усиления значимости высказывания *crow* / *провозглашать* (*to talk in a proud and annoying way about something you have done* [Collins Online Dictionary] / *говорить с раздражающей гордостью о чём-либо, что вы сделали*), используемого автором (*C1*) для передачи слов господина Десантиса (*C2*); оператора усиления значимости высказывания *chant* / *скандировать* (*to repeat or sing a word or phrase continuously* [Cambridge Dictionary] / *непрерывно повторять или петь слово или фразу*), описывающего восторженную реакцию сторонников на слова губернатора (*C3*); оператора выражения мнения *mean* / *иметь в виду* (*to express or represent something such as an idea, thought, or fact* [Cambridge Dictionary] / *выразить или представить что-либо, например, идею, мысль или факт*), представляющего ожидания избирателей.

Базовая эвиденциальность (*Evs*) дискурсивного отрывка сочетается семантикой персуазивности, обнаруживаемой в контексте совпадения эвиденциальных и персуазивных показателей *crow* / *провозглашать* и *chant* / *скандировать* в профазе эвиденциальных высказываний. Посредством такого рода полимодальной семантики *C1* может стремиться убедить читателя (*O*) в актуальности и достоверности описываемых сведений.

Кроме того, невербальный маркер коммуникации *smile back* / *улыбнуться в ответ* расширяет вербальную эвиденциальную семантику. Данный маркер указывает на нежелание губернатора (*C2*) давать категоричный ответ на призывы своих избирателей (*C3*) баллоти-

роваться на должность президента США. Формируемая эвиденциальная семантика может быть призвана вызвать размышления читателя (*O*), а также вывести *O* из состояния эмоционального равновесия.

4.2. Модификация эвиденциального воздействия с помощью визуального модуля (24 % примеров)

В случае изменения эвиденциального воздействия посредством визуального модуля автор обращается не только к области сознания, но и к подсознанию, эмоциям и чувствам читателя, осуществляет воздействие на контрольно-регулятивную функцию психики конечного адресата. При усилении эвиденциальной семантики (72 % примеров) визуализация описываемых событий способствует снижению критичности квалификации и восприятия сведений и их источника, повышает вероятность дальнейшего обращения к полученным данным без детального логического осмысления и интерпретации.

Визуальный модуль также может применяться автором для того, чтобы добиться драматического эффекта воздействия, увеличить привлекательность и достоверность сообщения, а также играть на чувствах конечного адресата. В подобном случае представленная визуальная информация обладает более высокой информационной ёмкостью, чем вербальная информация, содержащаяся в дискурсивном эвиденциальном контексте, что позволяет говорить о расширении эвиденциальной семантики (28 % примеров). Проследим усиление и расширение эвиденциальной семантики при помощи визуального модуля на примерах (3) и (4):

Рисунок 1. From Congo to the Capitol, conspiracy theories are surging

(3) *In late July, less than a week after the British government lifted most of its remaining Covid-19 restrictions, several thousand people nonetheless gathered in London's Trafalgar Square to protest against "lockdowns". Among the speakers were Piers Corbyn (brother of a former Labour Party leader), a climate-change denier who **thinks** that Covid-19 is a "hoax"; David Icke,*

an author who **believes** that the world's most powerful people are secretly lizards; and Gillian McKeith who **argues** that a good diet is enough to stop the virus. A former nurse (struck off for spreading misinformation) **compared** medical staff who have been distributing vaccines to Nazis, and **suggested** they be hanged [From Congo to the Capitol, conspiracy theories are surging 2021] / В конце июля, менее чем через неделю после того, как британское правительство сняло большую часть оставшихся ограничений в связи с Covid-19, несколько тысяч человек, тем не менее, собрались на Трафальгарской площади в Лондоне в знак протеста против «локдаунов». Среди выступавших были Пирс Корбин (брат бывшего лидера Лейбористской партии), отрицатель изменения климата, который **думает**, что Covid-19 – это «обман»; Дэвид Айк, писатель, который **считает**, что самые могущественные люди в мире на самом деле являются ящерицами; и Джиллиан Маккейт, которая **утверждает**, что хорошей диеты достаточно, чтобы остановить вирус. Бывшая медсестра (уволенная за распространение дезинформации) **сравнила** медицинский персонал, осуществляющий вакцинацию, с нацистами и **предложила** их повесить.

Анализируемый эвиденциальный дискурсивный контекст (3) представляет фрагмент статьи, описывающей роль пандемии коронавируса и цифровизации в становлении разнообразных теорий заговора. Автор статьи (C1) описывает основные пути распространения ложных сведений, рассуждает о негативном эффекте их воздействия на общество, а также приводит различные способы разоблачения возникающих теорий.

Косвенная эвиденциальность рассматриваемого дискурсивного контекста выражается посредством операторов мыслительной деятельности *think* / думать (*to believe something or have an opinion or idea* [Cambridge Dictionary] / верить во что-либо или иметь мнение либо идею), выражения мнения *believe* / считать (*to think that something is true, correct, or real* [Cambridge Dictionary] / думать, что что-либо верно, правильно или реально), усиления значимости высказывания *argue* / утверждать (*to give the reasons for your opinion, idea, belief, etc.* [Cambridge Dictionary] / приводить доводы в пользу своего мнения, идеи, убеждения и т.д.), явного указания *compare* / сравнивать (*to judge, suggest, or consider that something is similar or of equal quality to something else* [Cambridge Dictionary] / судить, предлагать или считать, что что-то похоже или равноценно чему-то другому), а также неявного указания *suggest* / предлагать (*to mention an idea, possible plan, or action for other people to consider* [Cambridge Dictionary] / упомянуть идею, возможный план или действие для рассмотрения другими людьми). Перечисленные эвиденциальные операторы используются автором для представления позиций политика Пирса Корбина (C2), писателя Дэвида Айка (C3) и диетолога Джиллиан Маккейт (C4), выступавших на митинге против «локдаунов», вызванных ростом заболеваемости коронавирусом.

В рамках анализируемого эвиденциального контекста автор обращается к различным источникам информации, отделяет свою позицию от мнения субъектов коммуникации, квалифицирует транслируемые сведения, а также обозначает временные рамки эвиденциального отрывка. Формируемая семантика позволяет говорить об актуализации базовой эвиденциальной модели – *Evs*. Немаловажно, что эвиденциальные операторы выражения мнения, усиления значимости высказывания, явного указания и неявного указания способствуют последовательному представлению пренебрежительного отношения спикеров (C2, C3, C4) к проблеме коронавируса и одновременно позволяют передать выдвигаемые ими теории заговора. Такого рода подача информации C1 может исказить её восприятие конечным адресатом/читателем (O), убеждая O в истинности сообщаемых фактов.

Кроме того, эвиденциальность дополняется мультимодальной семантикой, обнаруживаемой в обращении *C1* к визуальному модусу (рис. 1). Содержащаяся в статье иллюстрация в гипертрофированном виде отражает отношение участников митинга к коронавирусу. Искажённое яростью лицо одного из спикеров, стучащего кулаком по столу и указывающего на символ коронавируса, сопровождается подписью *hoax* / обман (*a plan to deceive someone, such as telling the police there is a bomb somewhere when there is not one, or a trick* [Cambridge Dictionary] / уловка или план обмануть кого-либо, например, сообщить полиции, что где-то заложена бомба, когда на самом деле ее нет). Представленная на заднем плане схема демонстрирует весь спектр проблем, вызванных вводимыми ограничениями, а огромное количество просмотров и «лайков» данного выступления в сети указывает на высокий уровень социального недовольства. Наконец, расположенный в правом нижнем углу иллюстрации знак доллара может указывать на финансовую составляющую пандемии, предоставляющую возможность обогащения некоторым слоям населения и экономически невыгодную для общества в целом. Тем самым визуальный модус усиливает вербальную эвиденциальную семантику анализируемого дискурсивного контекста и может быть призван убедить читателя (*O*) в пагубном характере вводимых властью страны ограничений.

Рисунок 2. America and China must talk

(4) *The laws of thermodynamics will soon be tested in Bali. The Indonesian island will host leaders from the G20 on November 15th and 16th. In its tropical heat, an icy conversation may take place: President Joe Biden may meet his Chinese counterpart, Xi Jinping, in person for the first time since taking office. Because America and China barely speak, this matters. Might blarney in Bali lead to a thaw between the superpowers?* [America and China must talk 2022] / *Законы термодинамики скоро будут проверены на Бали. Индонезийский остров примет лидеров G20 15 и 16 ноября. В тропической жаре может состояться ледяная беседа: президент Джо Байден может впервые с момента вступления в должность лично встретиться со*

своим китайским коллегой Си Цзиньпином. Поскольку Америка и Китай практически не разговаривают, это **имеет значение**. **Может** ли встреча на Бали привести к оттепели между сверхдержавами?

Дискурсивный эвиденциальный контекст (4) содержит описание возможной встречи председателя КНР Си Цзиньпина (C2) с президентом США Джо Байденом (C3) в рамках грядущего саммита G20. По мнению автора статьи (C1), команда господина Байдена считает, что Америка вынуждена конкурировать с Китаем по причине его чрезмерно активной экономической политики в различных отраслях и сферах производства. В этой связи существует риск возникновения Новой холодной войны, один из блоков которой будет представлен Китаем и Российской Федерацией, а второй составят США, ЕС и НАТО.

Эвиденциальная семантика данного дискурсивного отрывка репрезентируется с помощью операторов сомнения *may* / *может* (*used to introduce a wish or a hope* [Cambridge Dictionary] / *используется для того, чтобы выразить желание или надежду*) и усиления значимости высказывания *matter* / *иметь значение* (*to be important, or to affect what happens* [Cambridge Dictionary] / *быть важным или влиять на то, что происходит*). При этом оператор сомнения призван продемонстрировать низкую оценку C1 вероятности возникновения диалога между лидерами стран, до сих пор никогда не встречавшихся лично, а оператор усиления значимости высказывания маркирует важность начала процесса переговоров.

Тем самым, данный эвиденциальный дискурсивный контекст характеризуется эвиденциальной семантикой (*Evs*). В ходе интерпретации транслируемых сведений и указания их источника C1 осуществляет воздействие на конечного адресата / читателя статьи (O) при помощи различных эвиденциальных операторов. Комбинируя операторы сомнения и уверенности в знании, C1 может стремиться активизировать не только область сознания, но и подсознания O. Официальные сведения о ноябрьском саммите G20 дополняются предположениями и выводами C1, формируя необходимую модель реальности O.

Немаловажно, что семантика *Evs* рассматриваемого эвиденциального дискурсивного контекста обогащается модусными смыслами других категорий. В частности, эвиденциальность сочетается с модальностью (M), обнаруживаемой в промежуточной области дискурсивного эвиденциального контекста и актуализируемой посредством модального показателя *may* / *может* (*used to express possibility* [Cambridge Dictionary] / *используется для выражения возможности*), а также модального маркера *might* / *может* (*used to express the possibility that something will happen or be done, or that something is true although not very likely* [Cambridge dictionary] / *используется для выражения возможности того, что что-либо произойдет или будет сделано, или что что-либо является правдой, хотя и не очень вероятной*). Модальность указывает O на отсутствие уверенности C1 в достоверности транслируемых сведений.

Экспрессивная семантика (*Ex*), репрезентируемая показателями *icy* / *ледяной* (*unfriendly and showing dislike* [Cambridge Dictionary] / *недружелюбный и демонстрирующий неприязнь*), а также *matter* / *иметь значение* (*to be important, or to affect what happens* [Cambridge Dictionary] / *обладать важным значением или влиять на то, что происходит*) используется C1 для того, чтобы подчеркнуть значимость возможной встречи политиков для улучшения отношений между США и Китаем.

Эвиденциальность также дополняется мультимодальной семантикой, что проявляется в обращении C1 к визуальному модусу (рис. 2). Представленная в статье иллюстрация наглядно демонстрирует O характер взаимоотношений между странами. Изображения C2 и

СЗ, помещённые в ледяные кубы и смотрящие в разные стороны, свидетельствуют о диаметрально противоположных политических взглядах глав государств, а также их нежелании вести какие-либо переговоры. Таким образом, визуальный модус расширяет вербальную засвидетельствованность дискурсивного эвиденциального контекста ($Evs + M + Ex$).

4.3. Модификация эвиденциального воздействия с помощью гиперссылок (50% примеров)

Как и в ситуации изменения эвиденциального воздействия посредством невербальных компонентов коммуникации и визуального модуса, при обращении автора к гиперссылкам происходит усиление либо расширение формируемой эвиденциальной семантики. В случае усиления (69 % примеров) использование гиперссылок свидетельствует о стремлении автора к фактическому представлению сведений вне зависимости от личностных, а также психологических характеристик конечного адресата. Транслируемое подобным образом сообщение может оказывать воздействие на восприятие действительности и ценностные установки адресата. Гиперссылки могут создавать у читателя иллюзию самостоятельно принятого решения, что, в свою очередь, будет способствовать отстранению автора от сообщаемых сведений и позволит ему снять с себя ответственность за релевантность и истинность информации. Немаловажно, что в ходе интенсификации эвиденциальной семантики, посредством гиперссылки маркируется субъект коммуникации либо эвиденциальный оператор. Тем самым усиление эвиденциальной семантики осуществляется в узловых точках развёртывания дискурсивного эвиденциального контекста.

При расширении эвиденциальной семантики при помощи гиперссылок (31 % примеров) автор объективирует и оценивает имеющиеся сведения, детализирует транслируемую информацию, а также углубляет знания читателя по освещаемой проблематике. В случае расширения смыслового поля эвиденциальности гиперссылки обнаруживаются в промежуточной области развёртывания эвиденциального контекста. Особенности актуализации такого рода эвиденциального воздействия могут быть проиллюстрированы следующими примерами (5) и (6):

(5) *The restrictions have periodically prompted unrest, such as in Guangzhou on Monday evening, when throngs of residents marched down Qiaonanxin Street to protest the lack of food and daily necessities after being confined at home for three weeks, **according to four owners of restaurants and shops on the street who were interviewed by phone.** A surge of Covid cases in Guangzhou in recent weeks prompted officials to enforce lockdowns in several districts that are home to roughly 6 million people, **according to government announcements** on social media. In the southern district of Haizhu, where Qiaonanxin Street is, the 1.8 million residents were ordered to stay at home and undergo daily testing. Travel was restricted. Schools moved online. The authorities put up barricades around neighborhoods where positive cases were recorded [Covid lockdown chaos sets off a rare protest in a Chinese city 2022] / Ограничения периодически заканчиваются беспорядками. Например, в городе Гуанчжоу в понедельник вечером толпы жителей прошли маршем по улице Цяонаньсинь в знак протеста против нехватки еды и предметов первой необходимости. В ходе телефонного разговора владельцы четырёх ресторанов и магазинов, расположенных на этой улице, **сообщили**, что многие из местных жителей были заперты дома в течение трех недель. **Согласно сообщениям правительства** в социальных сетях, всплеск случаев заболевания коронавирусом в Гуанчжоу в последние недели побудил чиновников ввести карантин в нескольких районах, где прожива-*

ет около 6 миллионов человек. В южном районе Хайчжу, где находится улица Цяонаньсинь, 1,8 миллионам жителей было приказано оставаться дома и проходить ежедневное тестирование. Поездки были ограничены. Школы перешли на дистанционное обучение. Власти возвели баррикады вокруг кварталов, где были зафиксированы положительные случаи.

Дискурсивный контекст (5) является фрагментом статьи, описывающей один из протестов против локдауна Covid-19 в Китае. Толпы жителей, уставших от нехватки продовольствия и длительного пребывания дома в соответствии со строгой политикой по борьбе с пандемией, заполонили производственный центр города Гуанчжоу.

Косвенная эвиденциальная семантика актуализируется посредством оператора явного указания *according to* / *согласно* (*as stated by* [Cambridge Dictionary] / *как указывается кем-либо*), используемого для указания на сведения, полученные от владельцев ресторанов и магазинов, а также официальные сообщения правительства Китая. При помощи категории «эвиденциальность» автор статьи (C1) сообщает читателю (O) о происходящих событиях, при этом передаваемая информация носит нейтральный характер.

Мультимодальная семантика обнаруживается в узловых точках развёртывания эвиденциального высказывания *a surge of Covid cases in Guangzhou in recent weeks prompted officials to enforce lockdowns in several districts that are home to roughly 6 million people, according to government announcements on social media* / *согласно сообщениям правительства в социальных сетях, всплеск случаев заболевания коронавирусом в Гуанчжоу в последние недели побудил чиновников ввести карантин в нескольких районах, где проживает около 6 миллионов человек*. Точка актуализации эвиденциального оператора *according to* / *согласно*, а также точка обозначения источника сообщения *government announcements* / *сообщения правительства* подкрепляются гиперссылкой, переход по которой позволит читателю (O) ознакомиться с текстом официального сообщения правительства. Посредством данного мультимодального ресурса C1 дистанцируется от транслируемых сведений, избегает оценки и интерпретации информации. Одновременно с этим, официальный характер источника может быть призван вызвать доверие O. Тем самым мультимодальность усиливает эвиденциальную семантику настоящего дискурсивного контекста.

(6) *Family members said they had no further information about what was driving Mr. Abd El Fattah's decision, but that they hoped to learn more on Thursday, the date of his monthly 20-minute family visit, when relatives are allowed to bring food and other supplies. His family said last Thursday that they had learned prison authorities had begun a "medical intervention" on Mr. Abd El Fattah. Without further information, they feared he was being force-fed. No one has been able to see him since he began refusing water, with his lawyer, Khaled Ali, denied access three times despite having received official permits to visit [Prominent Egyptian political prisoner ends hunger strike, family says 2022]* / Члены семьи **сообщили**, что у них нет дополнительной информации о том, что повлияло на решение господина Абд Эль Фаттаха, но они **надеются** узнать больше в четверг, в день его ежемесячного 20-минутного посещения семьей, когда родственникам разрешается приносить еду и другие предметы первой необходимости. В прошлый четверг его семья **сообщила**, что они **узнали** о **начале** «медицинского вмешательства» тюремных властей в отношении господина Абд Эль Фаттаха. Не обладая дополнительной **информацией**, они **опасались**, что его насильно кормят. Никто не **видел** его с тех пор, как он начал отказываться от воды, а адвокату Халеду Али трижды отказывали в доступе к своему подзащитному несмотря на получение официального разрешения на его посещение.

Автор дискурсивного контекста (6) рассуждает о причинах отказа от голодовки находящегося под стражей британско-египетского диссидента Алаа Абд Эль Фаттаха. Господин Абд Эль Фаттах объявил о своём решении около семи месяцев назад в попытке добиться свободы.

Эвиденциальность передаётся при помощи оператора явного указания *say* / *сообщать* (*to pronounce words or sounds, to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction* [Cambridge Dictionary] / *произносить слова или звуки, выражать мысль, мнение или предложение, констатировать факт или инструктировать кого-либо*); оператора прогнозирования *hope* / *надеяться* (*to want something to happen or to be true, and usually have a good reason to think that it might* [Cambridge Dictionary] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или было правдой, и обычно иметь вескую причину думать, что это может случиться*); оператора явного указания *learn* / *узнавать* (*to be told facts or information that you did not know* [Cambridge Dictionary] / *получать информацию или узнавать факты, о которых вы не знали*); оператора явного указания *information* / *информация* (*facts about a situation, person, event* [Cambridge Dictionary] / *факты о ситуации, человеке, событии*); оператора сомнения *fear* / *опасаться* (*to be worried or frightened that something bad might happen or might have happened* [Cambridge Dictionary] / *быть обеспокоенным или напуганным тем, что что-либо плохое может случиться или могло бы произойти*); оператора чувственного восприятия *see* / *видеть* (*to be conscious of what is around you by using your eyes* [Cambridge Dictionary] / *осознавать то, что находится вокруг, используя глаза*). Перечисленные показатели косвенной эвиденциальности репрезентируют сведения, полученные от членов семьи господина Абд Эль Фаттаха. За счёт сочетания операторов явного указания, прогнозирования, сомнения и чувственного восприятия автор контекста (*C1*) достигает прагматического эффекта воздействия на читателя (*O*).

Эвиденциальная семантика (*Evs*) анализируемого отрывка расширяется посредством мультимодальной семантики, актуализируемой гиперссылкой в клаузе *prison authorities had **begun** a “medical intervention” on Mr. Abd El Fattah* / *тюремные власти **начали** «медицинское вмешательство» в отношении мистера Абд Эль Фаттаха*, характеризующей промежуточную область развёртывания дискурсивного эвиденциального контекста. В результате перехода по гиперссылке *O* может ознакомиться со статьёй, содержащей дополнительные материалы о ходе рассмотрения дела. Данная статья представляет позицию президента Египта Абдул Фаттаха Ас-Сиси, министра иностранных дел Египта господина Самеха Хасана Шукри, канцлера Германии Олафа Шольца, а также президента Франции Эммануэля Макрона. При помощи расширения эвиденциальной семантики *C1* может стремиться оказать дополнительное воздействие на *O*, привлечь его внимание к освещаемой проблематике, а также подчеркнуть значимость расследования для мировой общественности.

5. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальная цифровизация затронула все формы проявления человеческой активности, в том числе – филологическую. Переход в цифровое пространство обусловил сближение лингвистики с математическими, компьютерными и естественными науками, что свою очередь привело к изменению основополагающих подходов, методик и методов изучения специфики функционировании различных лингвистических категорий. В частности, применение универсальной методики лингвосинергетического анализа позволило описать функционирование модусной категории «эвиденциальность» в электронном массмедийном дискурсе с

учёт не только лингвистических показателей, но и различных мультимодальных ресурсов – невербальных компонентов коммуникации, визуального модуса, а также гиперссылок. Перечисленные мультимодальные средства взаимодействуют с лингвистическими эвиденциальными операторами, дополняют базовую и добавочную семантику и способствуют модификации эвиденциального воздействия автора на конечного адресата дискурса. Как показали результаты проведённого исследования, в ситуации усиления эвиденциальной семантики мультимодальные показатели обнаруживаются в профаза эвиденциального высказывания, принадлежат к узловым точкам развёртывания эвиденциального контекста либо наглядно иллюстрируют транслируемое сообщение. В свою очередь, в случае расширения эвиденциальной семантики мультимодальные ресурсы выявляются в эпифаза эвиденциального высказывания, характеризуют промежуточную область развёртывания дискурсивного контекста или визуально представляют новые сведения, тем самым обогащая представленные в тексте данные дополнительными деталями. В целом, мультимодальные средства способствуют оказанию эвиденциального воздействия автора на читателя и выступают в качестве добавочного инструмента реализации интенциональной доминанты, присущей тому или иному дискурсу. При этом изменение эвиденциального воздействия происходит за счёт:

(1) интенсификации передаваемой информации с помощью комбинирования лексических эвиденциальных операторов с невербальными маркерами ситуации;

(2) детализации/углубления уже имеющихся сведений посредством дополнительных источников, повышающих достоверность и значимость информации для адресата;

(3) внедрения вспомогательных визуальных образов в сознание читателя, нивелирующих критическое восприятие, а также логический анализ полученных сведений.

Немаловажно, что преобладание семантики усиления (65 % примеров) над расширением (35 % примеров) эвиденциальной семантики определяется областью актуализации описываемой семантики в структуре дискурсивного эвиденциального контекста, а также коммуникативными намерениями автора дискурса. Данным обстоятельством также обусловливается более частый выбор автором гиперссылок (50% примеров) по сравнению с визуальным модусом (24 % примеров) и невербальными компонентами коммуникации

(14% примеров) в качестве инструментов эвиденциального воздействия. Мультимодальные ресурсы способствуют достижению прагматического эффекта убеждения конечного адресата дискурса в истинности/ложности транслируемых сообщений, вызывают определённую эмоциональную реакцию и формируют восприятие сведений, а также их источника читателем.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дедова О.В. Изменение отношений «автор-читатель» в пространстве электронного гипертекста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 6. С. 30-46.
2. Железанова Т.Т. Невербальные компоненты речевого общения в преподавании иностранных языков // Новый филологический вестник. 2008. № 1(6). С. 223–227.

3. Иванова С.В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1(61). С. 31–42.
4. Игнатова И.Б. Трансформация авторской колонки в цифровом дискурсе // Наука и школа. 2022. № 1. С. 54–60.
5. Козловский Д.В. Мультимодальные средства интенсификации эвиденциального воздействия в политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2022. № 5(95). С. 145–155.
6. Козловский Д.В. Реализация категории эвиденциальность в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью “Амирит”, 2023.
7. Курилина Т.В. Гиперссылка и интертекстуальные включения в письменном новостном интернет-дискурсе португальских СМИ // Ибероамериканские тетради. 2019. № 1(23). С. 89–93.
8. Малахова В.Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 3(27). С. 24–33.
9. Никонова Е.А. Гиперссылка как мультимодальный маркер эвиденциальности в электронных СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 106–111.
10. Омеляненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 66–78.
11. Ополев П.В. Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2, № 3(37). С. 96–112.
12. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
13. Спиридонова Т.А. Оценочный потенциал цитат в новостном дискурсе // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 196–202.
14. Фримен Э., Фримен Э. Изучаем HTML, XHTML и CSS. «Питер», 2012.
15. Хазиева Р.Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности (Автореферат дисс. ... канд. филол. н.). Уфа, 2018.
16. Чанышева З.З. Репрезентация модусной категории эвиденциальности в модальной рамке переводного текста // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 402–408.
17. Шомова С.А. Мультимедийная журналистика. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
18. Barthes R. Image, Music, Text. Fontana Press, 1977.
19. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.): Harvard University, Dept. of Slavic Languages and Literatures.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. America and China must talk [Электронный ресурс] // The Economist. 10 November, 2022. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/11/10/america-and-china-must-talk> (дата обращения: 20.12.2022).

2. Che Ch., Liu J. Covid lockdown chaos sets off a rare protest in a Chinese city [Электронный ресурс] // The New York Times. 16 November, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/16/world/asia/china-covid-protest.html> (дата обращения: 20.12.2022).
3. From Congo to the Capitol, conspiracy theories are surging [Электронный ресурс] // The Economist. 4 September, 2021. URL: <https://www.economist.com/international/2021/09/04/from-congo-to-the-capitol-conspiracy-theories-are-surging> (дата обращения: 15.06.2022).
4. Yee V. Prominent Egyptian political prisoner ends hunger strike, family says [Электронный ресурс] // The New York Times. 15 November, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/15/world/middleeast/egypt-alaa-abd-el-fattah-hunger-strike.html> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Kinstler L. The good delusion: has effective altruism broken bad [Электронный ресурс] // The Economist. 15 November, 2022. URL: <https://www.economist.com/1843/2022/11/15/the-good-delusion-has-effective-altruism-broken-bad> (дата обращения: 20.12.2022).
6. The rise of Ron DeSanctimonious [Электронный ресурс] // The Economist. 9 November, 2022. URL: <https://www.economist.com/united-states/2022/11/09/the-rise-of-ron-desanctimonious> (дата обращения: 20.12.2022).

СЛОВАРИ

1. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 10.03.2023).

REFERENCES

1. Dedova, O.V. (2005). *Izmenenie otnosheniy «avtor-chitatel'» v prostranstve elektronnoy giperteksta* [Changing the author-reader relationship in the space of electronic hypertext]. *Vestnik Mosk. un-ta [Moscow University Bulletin], ser. 9 Filologiya, No. 6* (in Russian).
2. Zhelezanova, T.T. (2008). *Neverbal'nye komponenty rechevogo obshcheniya v prepodavanii inostrannykh yazykov* [Nonverbal components of speech communication in teaching foreign languages]. *Novyy filologicheskiy vestnik [New Philological Bulletin], 1(6)*, 223–227 (in Russian).
3. Ivanova, S.V. (2017). *Diskursivnaya adaptatsiya kul'turno-obuslovlennykh yazykovykh znakov v politicheskom diskurse SMI (na materiale politicheskogo massmediynogo diskursa SShA)* [Functional peculiarities of culturally related lexis in political media discourse (based on the US political media discourse)]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 1(61)*, 31–42 (in Russian).
4. Ignatova, I.B. (2022). *Transformatsiya avtorskoj kolonki v tsifrovom diskurse* [Author's column: transformation in the digital discourse]. *Nauka i shkola [Science and School], 1*, 54–60 (in Russian).
5. Kozlovskiy, D.V. (2022). *Mul'timodal'nye sredstva intensivatsii evidentsial'nogo vozdeystviya v politicheskom mediadiskurse* [Multimodal means of intensifying evidential impact in the political media discourse]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 5 (95)*, 145–155 (in Russian).

6. Kozlovskiy, D.V. (2023). *Realizatsiya kategorii evidentsial'nost' v diskursivnom prostranstve massmedia: lingvosinergeticheskiy aspekt. [Realization of the category of evidentiality in the discursive space of mass media: linguosynergetic aspect]*. Saratov: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Amirit" (in Russian).
7. Kurilina, T.V. (2019). Giperssylka i intertekstual'nye vklyucheniya v pis'mennom novostnom internet-diskurse portugal'skikh SMI [Hyperlinked intertexts in the Portuguese media written news Internet discourse]. *Iberoamerikanskaya tetrad, 1*(23), 89–93 (in Russian).
8. Malakhova, V.L. (2021). Dinamiko-sistemnye printsipy sinergetiki v funktsional'noy lingvistike [Dynamic-and-systemic principles of synergetics in functional linguistics]. *Filologicheskie nauki v MGIMO [MGIMO Philological Sciences]*, vol. 7, no. 3(27), 24–33 (in Russian).
9. Nikonova, E.A. (2022). Giperssylka kak mul'timodal'nyy marker evidentsial'nosti v elektronnykh SMI [Hyperlink as a Multimodal Marker of Evidentiality in Electronic Mass Media]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*, 1 (91), 106–111 (in Russian).
10. Omel'yanenko, V.A., & Remchukova, E. N. (2018). Polikodovye teksty v aspekte teorii mul'timodal'nosti [Polycode texts in the aspect of multimodality theory]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies]*, 3 (17), 66–78 (in Russian).
11. Opolev, P.V. (2018). Tendentsii izmeneniya mediynogo prostranstva: ot teksta k gipertekstu [Trends in changing media space: from text to hypertext]. *Idey i idealy [Ideas and Ideals]*, vol. 2, no. 3(37), 96–112 (in Russian).
12. Plungyan, V.A. (2003). *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku [General morphology. Introduction]*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
13. Spiridonova, T.A. (2019). Otsenochnyy potentsial tsitat v novostnom diskurse [Estimation potential of quotations in news discourse]. *Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike*. Moscow: MGIMO-Universitet, 196–202 (in Russian).
14. Freeman, E., & Freeman, E. (2012). *Izuchaem HTML, XHTML i CSS [Studying HTML, XHTML and CSS]*. Piter (in Russian).
15. Khazieva, R.R. (2018). *Ispol'zovanie lozhnoy informatsii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii deystvitel'nosti [The use of false information in discursive linguopolitical modeling of reality]: Abstract of a thesis in Philology* (Cand. Sci. thesis). Ufa, Russia (in Russian).
16. Chanysheva, Z.Z. (2016). Reprezentatsiya modusnoy kategorii evidentsial'nosti v modal'noy ramke perevodnogo teksta [Representing the modus category of evidentiality in the modal frame of the target text]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bashkir University Bulletin]*, vol. 21, No. 2, 402–408 (in Russian).
17. Shomova, S.A. (2017). *Mul'timediynaya zhurnalistika [Multimedia journalism]*. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [Higher School of Economics publishing house] (in Russian).
18. Barthes, R. (1977). *Image, Music, Text*. Fontana Press. 218 p.
19. Jakobson, R. (1957). *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Cambridge (Mass.): Harvard University, Dept. of Slavic Languages and Literatures.

LIST OF SOURCES

1. America and China must talk. (2022). *The Economist*, 10 November, 2022. Retrieved from <https://www.economist.com/leaders/2022/11/10/america-and-china-must-talk> (accessed: 20 December, 2022).

2. Che, Ch., & Liu, J. (2022). Covid lockdown chaos sets off a rare protest in a Chinese city. *The New York Times*. 16 November, 2022. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2022/11/16/world/asia/china-covid-protest.html> (accessed: 20 December, 2022).
3. From Congo to the Capitol, conspiracy theories are surging. (2021). *The Economist*. 4 September, 2021. Retrieved from <https://www.economist.com/international/2021/09/04/from-congo-to-the-capitol-conspiracy-theories-are-surging> (accessed: 15 June, 2022).
4. Yee, V. (2022). Prominent Egyptian political prisoner ends hunger strike, family says. *The New York Times*. 15 November, 2022. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2022/11/15/world/middleeast/egypt-alaa-abd-el-fattah-hunger-strike.html> (accessed: 20 December, 2022).
5. Kinstler L. (2022). The good delusion: has effective altruism broken bad. *The Economist*. 15 November, 2022. Retrieved from <https://www.economist.com/1843/2022/11/15/the-good-delusion-has-effective-altruism-broken-bad> (accessed: 20 December, 2022).
6. The rise of Ron DeSanctimonious. (2022). *The Economist*. 9 November, 2022. Retrieved from <https://www.economist.com/united-states/2022/11/09/the-rise-of-ron-desanctimonious> (accessed: 20 December, 2022).

DICTIONARIES

1. Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 10 March, 2023).
2. Collins Online Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com> (accessed: 10 March, 2023).

Информация об авторах:

Козловский Дмитрий Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. ORCID: 0000-0002-1413-8882

Получено: 3 апреля 2023 г.

Принято к публикации: 7 мая 2023 г.

EVIDENTIALITY IN THE AGE OF MULTIMODAL COMMUNICATION: A LINGUOSYNERGETIC ANALYSIS OF MASS MEDIA TEXTS

Dmitry V. Kozlovsky

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

(Saratov, Russia)

kozlovskydv@yandex.ru

Abstract: In modern mass media texts, the modus category of evidentiality plays a crucial role in conveying the author's message and shaping the reader's perception of the information presented. The use of multimodal means, including nonverbal components of communication, visual modus, and hyperlinks, intensifies and expands evidential semantics, influencing the reader's judgment of the relevance, reliability, and truthfulness of the information and its source. This study employs linguosynergetic analysis and a range of quantitative, functional-semantic, and contextual-situational methods to investigate how multimodal means contribute to the expression of various shades of evidential meaning, such as reflections, doubts, confidence, statements, and citations. The research material includes discursive contexts from advanced informational, scientific, general research, and practical-analytical articles, as well as definitions from electronic versions of dictionaries of the modern English language. The results suggest that multimodal means serve as valuable additional resources for updating evidential semantics, highlighting the possibility of combining them with various linguistic indicators of the category of evidentiality to achieve the author's communicative intentions. The article sheds light on the intricacies of evidentiality in mass media discourse and provides insights into the role of multimodal means in conveying meaning beyond words.

Keywords: evidentiality, modus category, multimodal means, linguosynergetic analysis, mass media discourse.

How to cite this article: Kozlovsky, D.V. (2023). Evidentiality in the Age of Multimodal Communication: a Linguosynergetic Analysis of Mass Media Texts. *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 10–30 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-10-30>

About the author

Dmitry V. Kozlovsky, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of Translation and Intercultural Communication at Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russia). ORCID: 0000-0002-1413-8882.

Received: April 3, 2023.

Accepted: May 7, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-31-45>

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

М.А. Чигашева
mchigasheva@mail.ru

М.А. Елизарьева
marycreek@mail.ru

В.А. Нагуманова
hexagon6@mail.ru

Е.А. Макушкина
emakush@gmail.com

МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Аннотация: В статье рассматривается междисциплинарный подход при исследовании политического дискурса на примере лингвистического и политологического исследований, посвященных проявлению национальной идентичности в выступлениях немецких политиков. Актуальность работы объясняется тем, что в статье впервые рассматривается использование междисциплинарного подхода при анализе профессионального дискурса специалистами из разных научных областей. Цель работы – показать, как междисциплинарный подход реализуется при изучении политического дискурса лингвистами и политологами. Оба исследования проводились на материале 60 текстов (30,3 а.л.) публичных выступлений ведущих политиков ФРГ (Х. Маас, З. Габриэль, Ф.-В. Штайнмайер, А. Меркель, О. Шольц, У. фон дер Ляйен) на мероприятиях международного и национального уровня, таких как Мюнхенская конференция по безопасности, Генеральная ассамблея ООН, правительственные заявления. В обоих исследованиях применялись общенаучные методы (описание, анализ, метод сплошной выборки), а также количественный контент-анализ (политологами) и статистические методы тест хи-квадрат и коэффициент Крамера (лингвистами). Применение данных методов привело обе исследовательские группы примерно к одинаковым выводам: в выступлениях, посвященных международной повестке, немецкие политики склонны не подчеркивать этническую идентичность, что подтверждают выбранные ими языковые средства. Анализ лингвистами культурно-маркированной лексики с помощью хи-квадрата показал, что в выступлениях преобладают наименования не немецких реалий. Осуществленный политологами контент-анализ выявил, что ведущие политики ФРГ имеют тенденцию не демонстрировать свою национальную идентичность, отдавая приоритет позиционированию Германии как члена ЕС и НАТО.

Ключевые слова: междисциплинарность, национальная идентичность, профессиональный дискурс, политический дискурс, культурно-маркированная лексика, Германия.

Для цитирования: Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Нагуманова В.А., Макушкина Е.А. Междисциплинарный подход к исследованию современного политического дискурса. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 5(2), С. 31–45. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-31-45>

1. ВВЕДЕНИЕ

Лингвистическая наука уже давно отошла от идей структурализма, когда язык изучался в себе и для себя, и обратилась к идеям антропоцентризма, поставив цель изучить не только специфику языка, но и познать его носителя, а также окружающий его мир. В этом случае исследования нередко требуют междисциплинарного подхода, т.е. привлечения теоретической базы и методов других наук. Исследования дискурса являются одним из таких примеров, поскольку для их проведения ученые обращаются к экстралингвистической информации о времени и месте, о темах коммуникации, ее участниках, коммуникативных стратегиях последних и т.д. При изучении политического дискурса как лингвисты, так и политологи, нередко обращаются к математическим и статистическим методам, что заметно расширяет их инструментарий.

Цель работы – показать, как междисциплинарный подход реализуется при изучении политического дискурса специалистами из разных научных областей. На основе анализа дефиниций термина «междисциплинарность» определяется его содержание и обосновывается возможность комплексного рассмотрения феномена идентичности. Актуальность данной статьи объясняется тем, что в ней впервые рассматривается использование междисциплинарного подхода при анализе политического дискурса лингвистами и политологами. Исследований подобного рода пока не проводилось. Обзор научной литературы позволяет сделать вывод о внимании ученых только к лингвопрагматическим и стилистическим средствам актуализации национальной идентичности политика [Кудрявцев, 2010; Слюсарев, 2012; Кауфова И.Б. и Кауфова Л.А., 2018; Hermann, 2021].

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом для анализа послужили тексты публичных выступлений ведущих политиков ФРГ на мероприятиях международного (Мюнхенская конференция по безопасности, Генеральная ассамблея ООН) и национального уровня (правительственные заявления). Правительственные заявления в основном также были посвящены международной повестке. Всего было проанализировано 60 текстов общим объемом 30,3 а.л. Рассматривались выступления Х. Мааса, З. Габриэля, Ф.-В. Штайнмайера, А. Меркель, О. Шольца, У. фон дер Ляйен. Временные рамки были ограничены периодом 2014-2022 гг. и с позиции политологии обусловлены изменением общей риторики руководства ФРГ под влиянием внешнеполитических факторов. Исследование проводилось научной группой в составе политологов и лингвистов.

Обращение к данным текстам объясняется несколькими причинами. Во-первых, эти речи практически не выступали объектом лингвистического анализа. Во-вторых, именно международные политические мероприятия служат своего рода площадкой для трансляции политиками национальной идентичности граждан страны, которую они представляют.

В процессе исследования применялись общенаучные (описание, анализ, метод сплошной выборки) и специфические методы. Политологи опирались на количественный контент-анализ, для проверки его результатов лингвисты использовали статистические методы (тест хи-квадрат и коэффициент Крамера), а также дискурс-анализ.

3. ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

3.1. План содержания термина «междисциплинарность»

В настоящее время исследователи отказываются от жесткой институционализации отдельных наук, не проводя четких границ между дисциплинами и предметом их исследования. В большинстве научных трудов декларируется, что работа выполнена на стыке различных научных дисциплин. Однако возникает вопрос – что понимают под этим авторы? Несмотря на прозрачность плана выражения термина *междисциплинарность*, его содержание оказывается более сложным, чем может показаться на первый взгляд, поскольку это понятие не объясняется в толковых словарях русского языка, нет его и в словаре лингвистических терминов. В этом случае следует обратиться к «науке всех наук», т.е. к философии.

Термин *междисциплинарность* является довольно новым и для философской науки. Он отсутствует в классических философских словарях, пояснения содержатся лишь в современном «Проективном философском словаре», включающем новые термины и понятия [Артемьева и др., 2002]. Эпистемиология, как раздел философии, различает *междисциплинарность* и *междисциплинарное взаимодействие*. Первый термин понимается глобально и характеризует интегративность современного этапа научного познания [Лысак, 2016]. Вторым термин трактуется более предметно. Американские исследователи Х. Якобс и Дж. Борланд рассматривали междисциплинарное взаимодействие как вид знания с привлечением методологии и терминологии более чем одной научной дисциплины [Jacobs & Borland, 1986]. А.С. Уйбо считал междисциплинарным взаимодействием реальный синтез научных достижений различных дисциплин в крупных проектах и исследованиях [Уйбо, 1990]. Э.М. Мирский понимает междисциплинарное взаимодействие либо как «отношение между системами дисциплинарного знания в процессе интеграции и дифференциации наук», либо «как коллективные формы работы ученых в разных областях знания по исследованию одного и того же объекта» [цит. по Междисциплинарность в науках и философии, 2010, с. 7].

В целом междисциплинарные исследования признаются особым типом организации научной деятельности, когда на изучение одного и того же объекта направлены усилия различных дисциплин. Однако такой подход не сводится лишь к тому, чтобы рассматривать совместно научные проблемы. Французский ученый Ж. Пиаже различал три формы взаимодействия дисциплин: *мультидисциплинарность* (дополнение одной дисциплины другой); *интердисциплинарность* (взаимодействие дисциплин); *трансдисциплинарность* (построение интегральных структур) [Piaget, 1972]. Схожую типологию применительно к исторической проблематике предлагает отечественный исследователь Л.П. Репина, выделяя по степени интеграции *мультидисциплинарные*, *интердисциплинарные* и *трансдисциплинарные* исследования [Репина, 2011]. В первом случае участники, решая общую задачу, работают

независимо друг от друга и опираются на собственную дисциплинарную базу. Во втором создается смешанная команда, ее участники, однако, остаются в рамках своих научных дисциплин. В третьем участники одной команды объединяют концепции отдельных дисциплин для решения общей проблемы. Предлагается и другое видение междисциплинарного подхода, отражающее иную степень интеграции (*дисциплинарность – междисциплинарность – полидисциплинарность – синтез*), где синтез признается высшей формой научного познания [Румянцева, 2007].

Междисциплинарный подход к изучению различных объектов признается сегодня наиболее перспективным, поскольку позволяет рассматривать их во всем многообразии, а привлечение методологии разных, иногда несмежных дисциплин, – получать более точные результаты. Безусловно, этот подход применим в различных науках, в том числе, в лингвистике.

Для лингвистики, по мнению Е. С. Кубряковой, характерны следующие черты: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность [Кубрякова, 2004]. Все упомянутое можно считать признаком междисциплинарного подхода. Однако, с нашей точки зрения, наиболее наглядно это отражают первые две черты – экспансионизм и антропоцентризм. Экспансионизм априори предполагает выход за пределы одной дисциплины, требует привлечения методов и данных разных дисциплин к изучению одного и того же объекта. Антропоцентризм также выводит филологические исследования во внешнюю среду – в пространство, окружающее человека, когда внимание исследователей сфокусировано на роли человеческого фактора в языке, когда важной задачей становится также познание того, как и для чего человек использует язык в обществе себе подобных. Схожих взглядов придерживаются и современные ученые [Костомаров, 2014; Ашурова, 2021; Хамдамова, 2021].

Отметим также, что в лингвистике различают внутреннюю (взаимодействие уровней и аспектов языка в процессе его функционирования) и внешнюю (изучение конкретного объекта при помощи методов различных дисциплин) междисциплинарность. Объектом такого внешнего междисциплинарного исследования может выступать дискурс в целом и профессиональный дискурс в частности. В центре внимания данной статьи находится политический дискурс. На примере немецкого языка рассматривается отражение в нем национальной идентичности.

3.2. Национальная идентичность как объект междисциплинарного исследования

Феномен идентичности изучается в разных дисциплинах естественно-научного и социо-гуманитарного цикла. Различают биологическую, этническую, идеологическую идентичность. Идеологическая идентичность, в свою очередь, может подразделяться на социологическую и политическую, а на стыке идеологической и этнической возникает социокультурная идентичность [Кауфова И.Б. и Кауфова Л.А. 2018; Ширяев, 2017]. Таким образом, *идентичность* представляет собой сложное понятие, отличается многомерностью и многовекторностью. По этой причине наиболее оптимальным для ее изучения представляется междисциплинарный подход.

Национальная идентичность выступает объектом исследования прежде всего в политологической науке [Сафран 2011; Орлов 2012; Gaskarth & Oppermann, 2021]. В последнее время этому уделяется пристальное внимание по следующей причине: в эпоху глобализации наблюдаются разновекторные стремления национальных сообществ – с одной стороны, к интеграции и унификации, с другой, к политической самостоятельности и независимости [Хауер-Тюкаркина, 2013]. Особое значение это приобретает в ФРГ по причинам историче-

ского характера (опыт национал-социализма, разделение страны на два государства, процессы интеграции в ЕС, трансатлантическое партнерство, сильные национальные идеи в Баварии и т.п.).

Несмотря на различные толкования термина *идентичность* в политологических исследованиях, неоспоримым, однако, признается факт, что ее репрезентация происходит при помощи языковых средств, поэтому материалом для политологического анализа выступает текст, в широком понимании – дискурс. Этот же материал используют для своих исследований и лингвисты. Более того, многие ученые считают феномен идентичности в большей степени языковым [Coulmas, 1985; Thim-Mabrey, 2003; Bschiepfer, 2010; Лаппо, 2014]. По этой причине, с нашей точки зрения, интерес может представлять рассмотрение данного феномена с позиций двух научных дисциплин – политологии и лингвистики. С этой целью была создана смешанная научная группа, фокус внимания которой был направлен на анализ текстов выступлений германских политиков высшего ранга с целью выявить зависимость между демонстрацией национальной идентичности и употреблением конкретных лексических единиц. В рамках данного исследования одним из основных средств репрезентации идентичности в политическом дискурсе мы считаем культурно-маркированную лексику, опираясь при этом на мнение признанных авторитетов. Так, Т.А. Ван Дейк считает, что «в дискурсе отражается менталитет и *культура*, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [Ван Дейк, 1998, с. 47]. А Ю. Хабермас рассматривает дискурс как вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением *ценностей* и норм социальной жизни [Habermas, 1989]. В нашем исследовании мы исходим из того, что единицы, содержащие в своем значении указание на элементы национальной культуры, могут наиболее наглядно демонстрировать этническую идентичность.

3.3. Результаты анализа отражения национальной идентичности с позиции политологии и лингвистики

В ходе исследования научная группа выдвинула предположение, что употребление единиц, обозначающих реалии национальной, в нашем случае политической, культуры, может служить признаком демонстрации этнической идентичности. Чем чаще оратор обращается к культурно-маркированной лексике, тем нагляднее он позиционирует себя как политика национального уровня.

Политологи провели количественный контент-анализ отобранных текстов, чтобы определить частоту употреблений в выступлениях первых лиц ФРГ слов и понятий, которые позволили бы характеризовать их национальную идентичность: «Германия» (Deutschland, Deutsche, deutsch), «ЕС» (Europa, europäisch, Europäer, Europäerin, EU, Europäische Union) и «НАТО» (NATO, Nordatlantik, Atlantik, transatlantisch). Исследователи пришли к выводу, что государственные и политические деятели ФРГ отказываются в своих публичных выступлениях демонстрировать национальную идентичность. Это может быть обусловлено следующими причинами: стремительная глобализация, приверженность трансатлантическому и европейскому партнерству, приоритет общеевропейских ценностей в ущерб национальным.

Лингвисты взяли за основу данный анализ и расширили объем языкового материала. Опираясь на предыдущие труды [Чигашева и др., 2021], мы классифицировали пласт культурно-маркированной лексики по ономастическому принципу. На основании отобранных лексических единиц было выделено 10 классов. Результаты распределения представлены в таблице 1.

Таблица 1. Классы культурно-маркированной лексики

класс	описание	примеры
антропонимы	имена личные	Frank-Walter Steinmeier, François Hollande, Cem Özdemir
топонимы	наименования любых географических объектов	Deutschland, Russland, Mittelmeer, Asien, Brüssel
политонимы	наименования профессиональных и общественных объединений, специфических для политической сферы деятельности и системы государственного управления	Bundestag, EU-Kommission, die Europäische Wirtschafts- und Währungsunion, Östliche Partnerschaft
эргонимы	наименования профессиональных объединений деловой сферы, названия организаций, компаний и т.д.	Euro-Zone, IWF, Deutsche Bahn AG, der Europäische Fonds für Strategische Investitionen
официонимы	наименования должностей сферы деятельности политики и государственного управления	Präsident, Justizminister, Generalsekretär, Bundesaußenminister
этнонимы	наименования национальностей	die Deutschen, Europäer, Kurden, Pole
отэтнонимное прил. + сущ.	обозначение объектов с указанием этнической/национальной принадлежности	die europäischen Staaten, deutsch-russische Regierungskonsultationen, die britische Regierung
документонимы	наименования различных законов, международных договоров, соглашений и т.д.	die Römischen Verträge, Freihandelsabkommen, der Vertrag von Lissabon
гемеронимы	названия СМИ	Charlie Hebdo
геортонимы	наименования важных исторических событий и праздников	der Fall der Berliner Mauer, der Zweite Weltkrieg, die Flüchtlingskrise

Всего в нашем материале было выявлено 2258 лексических единиц с общим количеством словоупотреблений 9178 случаев. Каждый выделенный нами класс был поделен на две категории: 1) единицы, обозначающие специфические для ФРГ явления и реалии; 2) единицы, обозначающие явления и реалии европейской и международной политики. Для каждой категории было подсчитано количество единиц и количество их употреблений, в том числе в абсолютных значениях, а также в процентном соотношении, в зависимости от уровня выступления. Результаты представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2. Количество лексических единиц в абсолютных значениях и в процентном соотношении

Правительственные заявления		Мюнхенская конференция по безопасности		Генеральная ассамблея ООН	
Национальный уровень		Международный уровень		Международный уровень	
немецкие наименования	иные наименования	немецкие наименования	иные наименования	немецкие наименования	иные наименования
267	1181	84	587	9	130
18%	82%	12,5%	87,5%	6%	94%
	в 4 раза больше		в 7 раз больше		в 14 раз больше

Результаты данного анализа наглядно показывают, что в своих выступлениях немецкие политики гораздо чаще прибегали к упоминанию иных, нежели немецких, наименований.

Таблица 3. Количество словоупотреблений в абсолютных значениях и в процентном соотношении

Правительственные заявления		Мюнхенская конференция по безопасности		Генеральная ассамблея ООН	
Национальный уровень		Международный уровень		Международный уровень	
немецкие наименования	иные наименования	немецкие наименования	иные наименования	немецкие наименования	иные наименования
267	1181	84	587	9	130
18%	82%	12,5%	87,5%	6%	94%
	в 4 раза больше		в 7 раз больше		в 14 раз больше

Наибольшее количество выявленных случаев словоупотреблений приходится на выступления национального уровня (правительственные заявления), наименьшее количество – на выступления Генеральной ассамблеи ООН. Иные (не немецкие) наименования составляют абсолютное большинство словоупотреблений. Полученные результаты в целом подтверждают предыдущий вывод: немецкие политики апеллируют гораздо чаще к иным наименованиям, предпочитая не фокусировать внимание на специфических для национальной культуры обозначениях, независимо от уровня мероприятия.

Для выявления наличия или отсутствия значимой связи между употреблением определенного наименования и его происхождением (единица национальной или иной культуры) лингвисты применили статистический метод – тест хи-квадрат (medstatistic.ru). Не останавливаясь подробно на методике данного анализа, отметим, что полученные результаты продемонстрировали наличие *статистически значимой связи* между лексическими единицами и их происхождением во всех отобранных нами текстах, независимо от уровня мероприятия (национальный или международный). С целью уточнения силы этой связи мы использовали коэффициент Крамера, максимальное значение которого равно 1. Расчеты показали, что в двух случаях (правительственные заявления и Мюнхенская конференция по безопасности) эта связь является довольно слабой (0,196 и 0,184 соответственно). В материале текстов выступлений на Генеральной ассамблее ООН сила сопряженности оказалась умеренной (0,342).

Статистические методы подтвердили в целом вывод, сформулированный политологами (об отказе немецких политиков высшего ранга демонстрировать свою национальную идентичность). Статистическая связь оказалась незначительной. Возможно, привлечение большего количества материала позволит уточнить полученные результаты.

4. ВЫВОДЫ

Итак, нами были рассмотрены два исследования – лингвистическое и политологическое, имевших общую цель – выявить, насколько ведущие политики ФРГ в своих выступлениях на мероприятиях национального (правительственные заявления) и международного уровня (Мюнхенская конференция, Генеральная Ассамблея ООН) транслируют национальную идентичность. В обоих исследованиях центральную роль играли статистические методы, применение которых привело обе исследовательские группы примерно к одинаковым выводам: в выступлениях, посвященных международной повестке, немецкие политики склонны не подчеркивать этническую идентичность, что находит отражение в языковых средствах. Анализ лингвистами культурно-маркированной лексики с помощью хи-квадрата показал, что в выступлениях преобладают наименования не немецких реалий. Осуществленный политологами контент-анализ выявил, что ведущие политики ФРГ имеют тенденцию не демонстрировать свою национальную идентичность, отдавая приоритет позиционированию Германии как члена ЕС и НАТО.

Предлагаемый междисциплинарный подход к анализу языкового материала в совокупности методов различных дисциплин представляется перспективным. Так, выделение отдельных блоков национальных (немецких) и европейских реалий позволит выявить наличие или отсутствие зависимости между их употреблением и демонстрацией национальной или европейской идентичности в речи политических и государственных деятелей ФРГ. Актуальностью и новизной может отличаться сравнительный анализ выступлений политиков от правящих и оппозиционных партий, а также политиков национального и регионального уровня, в частности Баварии, где довольно сильны национальные идеи и их демонстрация. Аналогичный анализ можно проводить и на материале других языков.

На данном этапе анализ единого текстового материала с позиции разных научных дисциплин (политологии и лингвистики) приводит к общему выводу о наличии в немецком обществе кризиса идентичности. Тесная связь с европейской и западной идентичностью приводит к размыванию национальной идентичности, снижению приоритета национальных ценностей и национальных интересов, и, в конечном итоге, к утрате субъектности ФРГ

как самостоятельного игрока на международной арене. Рассмотрение анализируемого материала с разных методологических позиций позволит лучше понимать интенции ораторов, принимаемые руководством страны решения и, возможно, прогнозировать в перспективе периоды стабилизации или эскалации общественно-политической ситуации в стране или регионе.

Возвращаясь к философским истокам термина *междисциплинарность*, отметим, что на примере данного анализа междисциплинарность понимается как реальный синтез научных достижений различных дисциплин в рамках конкретного научного проекта или как вид знания, включающий методологию более чем одной научной дисциплины (политология, лингвистика, социология). По форме взаимодействия представленное исследование можно считать интердисциплинарным, поскольку оно проводилось смешанной командой, участники которой опирались на данные своей дисциплинарной базы.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках гранта КМУ 12/08 XII Конкурса молодых ученых МГИМО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Т.В., Смирнов И.П., Тропш Э.А., Тульчинский Г.Л., Эпштейн М.Н. Проективный философский словарь. Спб.: Алетейя, 2003.
2. Ашурова Д.У. Междисциплинарный подход к исследованию языка // Нижневартровский филологический вестник. 2021. № 2. С. 127-137. doi:10.36906/2500-1795/21-2/11
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998.
4. Касавин И.Т. (отв. ред.). Междисциплинарность в науках и философии. Рос. акад. наук, Ин-т философии, М.: ИФРАН, 2010.
5. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Национальная идентичность в британском политическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 4-3. С. 86–97. doi:10.12731/2077-1770-2018-4-3-86-97
6. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-1 (58). С. 198-203.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Кудрявцев А.Г. Выражение национальной идентичности в политическом дискурсе: функции и механизмы воздействия на реципиента сообщения // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 115–117.
9. Лаппо М.А. Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических/психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2014. № 19. С. 30-39.

10. Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <https://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=25376> (дата обращения: 16.04.2023).
11. Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии: аналитический обзор. (Сер.: Европа XXI век) [Электронный ресурс]. Москва: ИНИОН, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-identichnosti-v-sovremennoy-germanii> (дата обращения: 16.04.2023).
12. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
13. Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX международной научной конференции. Москва, 25–27 января 2007 г. М., 2007. С. 41–49.
14. Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры [Электронный ресурс] // Политическая наука. 2011. № 1. С. 64–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-vo-frantsii-germanii-i-ssha-sovremennyye-sporu> (дата обращения: 16.04.2023).
15. Слюсарев Д.С. Лингвостилистические особенности жанра «правительственное заявление»: на материале выступлений немецких бундесканцлеров // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2-2 (39). С. 137–139.
16. Уйбо А.С. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Смысловые концепты историко-философского знания: Учен. зап. Тартус. ун-та: Труды по философии. XXXV. 1990. С. 76–92.
17. Хамдамова Д. Принцип антропоцентризма в современной лингвистике: обзор, предпосылки и тенденции развития // Общество и инновации. 2021. №2. 221–227. doi:10.47689/2181-1415-vol2-iss5/S-pp221-227
18. Хауер-Тюкаркина О.М. Дискурс национального в современном немецком обществе // Полития. 2013. № 4 (71). С. 67–78. doi:<https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-67-78>
19. Чигашева М.А., Елизарьева М.А., Ларина Т.С., Крячкова А.П. Культурно-маркированная лексика политического дискурса Германии: монография. Москва: МГИМО-Университет, 2021.
20. Ширяев Н.С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017.
21. Bschleipfer A. Der «caso Parmalat» in der Berichterstattung italienischer Print- und Rundfunkmedien. Eine Studie zur sprachlichen Markierung von Corporate Identity, lokaler und nationaler Identität. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. doi:10.3726/978-3-653-00122-8
22. Coulmas F. Sprache und Staat: Studien zur Sprachplanung und Sprachpolitik. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1985. doi:10.1515/9783110852752
23. Gaskarth J., Oppermann K. Clashing traditions: German foreign policy in a New Era // International Studies Perspectives. 2021. No. 22.1, pp. 84–105. doi:10.1093/isp/ekz017
24. Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 1989. S. 571–606.
25. Hermann E. Die Regierungserklärungen der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Eine vergleichende machtpolitische Analyse [Электронный ресурс]. München: GRIN Verlag, 2021. URL: <https://www.grin.com/document/1138657> (дата обращения: 15.03.2023).

26. Jacobs H.H., Borland J.H. The Interdisciplinary Concept Model: Theory and Practice // *Gifted Child Quarterly*. 1986. 30(4). pp. 159-163. doi:10.1177/001698628603000403
27. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships. In A. Briggs et al. (Eds.). *Interdisciplinarity, Problems of teaching and research in Universities* (pp. 127-139), Paris: OECD, 1972.
28. Thim-Mabrey Ch. Sprachidentität – Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht [Электронный ресурс] // *Sprachidentität – Identität durch Sprache* / hrsg. Janich N., Thim-Mabrey Ch. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. S. 1–18. URL: <https://www.narr.de/sprachidentit%C3%A4t-identit%C3%A4t-durch-sprache-15761-2/> (дата обращения: 15.03.2023).

REFERENCES

1. Artem'eva, T.V., Smirnov, I.P., Tropp, E.A., Tul'chinskij, G.L., & Epshtejn, M.N. (2003). *Proektivnyj filosofskij slovar' [The Projective Philosophical Dictionary]*. Saint-Petersburg (in Russian).
2. Ashurova, D.U. (2021). Mezhdisciplinarnyj podhod k issledovaniyu yazyka [Interdisciplinary approach to language research]. *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik [Nizhnevartovsk Philological Bulletin]*, 2, 127-137. doi:10.36906/2500-1795/21-2/11 (in Russian).
3. Van Dijk, T. A. (1998). *K opredeleniyu diskursa [To the definition of discourse]*. London: Sage (in Russian).
4. Kasavin, I.T. (editor-in-chief) (2010). *Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii [Interdisciplinarity in Sciences and Philosophy]*. Ros. akad. nauk, In-t filosofii [Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy]. Moscow: IFRAN (in Russian).
5. Kaufova, I.B., & Kaufova, L.A. (2018). Nacional'naya identichnost' v britanskom politicheskom diskurse [National identity in British Political Discourse]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem [Modern studies of social problems]*, 10 (4-3), 86–97. doi:10.12731/2077-1770-2018-4-3-86-97 (in Russian).
6. Kostomarov, P.I. (2014). Antropotsentrizm kak vazhneyshiy priznak sovremennoy lingvistiki [Anthropocentrism as an important feature of modern linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [SibScript]*, (2-1), 198-203 (in Russian.)
7. Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie [Language and knowledge]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture] (in Russian).
8. Kudryavcev, A.G. (2010). Vyrazhenie nacional'noj identichnosti v politicheskom diskurse: funkcii i mekhanizmy vozdejstviya na recipienta soobshcheniya [Expression of national identity in political discourse: functions and mechanisms of influence on the recipient of the message]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 4 (34), 115–117 (in Russian).
9. Lappo, M.A. (2014). Sushchnost' identichnosti i metody yeyo analiza v lingvisticheskikh/psiholingvisticheskikh issledovaniyah [The essence of identity and methods of its analysis in linguistic/psycholinguistic studies]. *Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*, 19, 30-39 (in Russian).
10. Lysak, I.V. (2016). Mezhdisciplinarnost': preimushchestva i problemy primeneniya [Interdisciplinarity: advantages and problems of application]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*, 5. Retrieved from <https://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=25376> (accessed: 16 April, 2023) (in Russian).

11. Orlov, B.S. (2012). *Problemy identichnosti v sovremennoj Germanii: analiticheskij obzor* [Problems of identity in modern Germany: an analytical review]. Moscow: INION. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-identichnosti-v-sovremennoj-germanii> (accessed: 16 April, 2023) (in Russian).
12. Repina, L.P. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug (in Russian).
13. Rumyanceva, M.F. (2007). Celostnost' sovremenного гуманитарного знания: neobhodimost' i vozmozhnost' [Integrity of modern humanitarian knowledge: necessity and possibility]. *Edinstvo gumanitarnogo znaniya: novyj sintez: Materialy XIX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Unity of humanitarian knowledge: a new synthesis: proceedings of the 19th international scientific conference], Moscow, 25–27 January, 2007 (pp. 41–49) (in Russian).
14. Safran, U. (2011). Nacional'naya identichnost' vo Francii, Germanii i SShA: sovremennye spory [National identity in France, Germany and the USA: modern disputes]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 64–97. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-vo-frantsii-germanii-i-ssha-sovremennye-spory> (accessed: 16 April, 2023) (in Russian).
15. Slyusarev, D.S. (2012). Lingvostilisticheskie osobennosti zhanra «pravitel'stvennoe zayavlenie»: na materiale vystuplenij nemeckih bundeskanclerov [Linguistic and stylistic features of the genre of «government statement»: based on the material of speeches by German Bundeskanzlers]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2-2 (39), 137–139 (in Russian).
16. Ujbo, A.S. (1990). Rekonstrukciya istoricheskogo proshlogo kak mezhdisciplinarnaya zadacha [Reconstruction of the historical past as an interdisciplinary task]. *Smyslovye koncepty istoriko-filosofskogo znaniya: Uchen. zap. Tartus. un-ta: Trudy po filosofii XXXV* [Semantic concepts of historical and philosophical knowledge: Scientific notes of the University of Tartu: Works on philosophy XXXV], 76–92 (in Russian).
17. Hamdamova, D. (2021). Printsip antropotsentrizma v sovremennoj lingvistike: obzor, predposylki i tendentsii razvitiya [The principle of anthropocentrism in modern linguistics: an overview, prerequisites and development trends]. *Obshchestvo i innovatsii* [Society and innovations], 2, 221–227. doi:10.47689/2181-1415-vol2-iss5/S-pp221-227 (in Russian).
18. Hauer-Tyukarkina, O.M. (2013). Diskurs nacional'nogo v sovremennom nemeckom obshchestve [The discourse on the issue of nationality in modern German society]. *Politiya*, 4 (71), 67–78. doi:10.30570/2078-5089-2013-71-4-67-78 (in Russian).
19. Chigasheva, M.A., Elizar'eva, M.A., Larina, T.S., & Kryachkova, A.P. (2021). *Kul'turno-markirovannaya leksika politicheskogo diskursa Germanii: monografiya* [Culturally Marked Vocabulary of German Political Discourse: Monograph]. Moscow: MGIMO-Universitet (in Russian).
20. Shiryaev, N.S. (2017). *Kommunikativnye strategii reprezentatsii nacional'noj identichnosti v politicheskom mediadiskurse (na materiale anglijskogo i francuzskogo yazykov)* [Communicative strategies of representation of national identity in political media discourse (based on the material of English and French)] (Candidate's thesis). Saratov (in Russian).

21. Bschleipfer, A. (2010). *Der «caso Parmalat» in der Berichterstattung italienischer Print- und Rundfunkmedien. Eine Studie zur sprachlichen Markierung von Corporate Identity, lokaler und nationaler Identität* [The case of Parmalat in the reporting of Italian print and radio media. A study on the linguistic marking of corporate identity, local and national identity]. Frankfurt am Main: Peter Lang. doi:10.3726/978-3-653-00122-8 (in German).
22. Coulmas, F. (1985). *Sprache und Staat: Studien zur Sprachplanung und Sprachpolitik* [Language and the State: Studies in Language Planning and Language Policy]. Berlin; New York: Walter de Gruyter. doi:10.1515/9783110852752 (in German).
23. Gaskarth, J., & Oppermann, K. (2021). Clashing traditions: German foreign policy in a New Era. *International Studies Perspectives*, 22.1, 84–105. doi:10.1093/isp/ekz017
24. Habermas, J. (1989). Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns [Explanations on the concept of communicative action]. In J. Habermas *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns* [Preliminary studies and additions to the theory of communicative action] (571-606), Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl. (in German).
25. Hermann, E. (2021). *Die Regierungserklärungen der Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. Eine vergleichende machtpolitische Analyse* [The Government Statements by Chancellor Dr. Angela Merkel. A comparative political analysis]. München: GRIN Verlag (in German).
26. Jacobs, H.H., & Borland, J.H. (1986). The Interdisciplinary Concept Model: Theory and Practice. *Gifted Child Quarterly*, 30 (4), 159-163. doi:10.1177/001698628603000403
27. Piaget, J. (1972). The epistemology of interdisciplinary relationships. In A. Briggs et al. (Eds.). *Interdisciplinarity, Problems of teaching and research in Universities* (127-139), Paris: OECD.
28. Thim-Mabrey, Ch. (2003). Sprachidentität – Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht [Language Identity – Identity Through Language. An outline of the problem from a linguistic point of view]. In N. Janich, Ch. Thim-Mabrey (Eds.). *Sprachidentität – Identität durch Sprache* [Language identity – identity through language] (1-18), Tübingen: Gunter Narr Verlag (in German). Retrieved from <https://www.narr.de/sprachidentit%C3%A4t-identit%C3%A4t-durch-sprache-15761-2/> (accessed: 15 March, 2023) (in German).

Информация об авторах:

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия), ORCID: 0000-0003-1423-5479

Елизарьева Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия), ORCID: 0000-0003-1340-8382

Нагуманова Вера Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Москва, Россия), ORCID: 0000-0002-3226-2131

Макушкина Екатерина Александровна – студентка факультета Международной журналистики МГИМО МИД России (Москва, Россия), ORCID: 0000-0003-4422-114X

Получено: 16 апреля 2023 г.

Принято к публикации: 19 мая 2023 г.

LANGUAGE, POLITICS, AND IDENTITY: AN INTERDISCIPLINARY INVESTIGATION OF MODERN POLITICAL DISCOURSE

Marina A. Chigasheva
mchigasheva@mail.ru

Maria A. Yelizaryeva
marycreek@mail.ru

Vera A. Nagumanova
hexagon6@mail.ru

Ekaterina A. Makushkina
emakush@gmail.com

MGIMO University (Moscow, Russia)

Abstract: The article discusses an interdisciplinary approach to the study of political discourse on the example of linguistic and political science studies devoted to the manifestation of national identity in the speeches of German politicians. The relevance is explained by the fact that the article for the first time considers the use of an interdisciplinary approach in the analysis of professional discourse by specialists from different scientific fields. The purpose of the work is to show how an interdisciplinary approach is implemented in the study of political discourse by linguists and political scientists. Both studies were carried out on the empirical material of 60 texts of public speeches by leading German politicians (H. Maas, Z. Gabriel, F.-W. Steinmeier, A. Merkel, O. Scholz, U. von der Leyen) at international and national events such as the Munich Security Conference, the UN General Assembly, government statements. Both studies used general scientific methods (description, analysis, continuous sampling method), as well as quantitative content analysis (political scientists) and statistical methods of the chi-square test and Cramer's coefficient (linguists). The use of these methods led both research groups to approximately the same conclusions: German politicians tend to avoid emphasizing ethnic identity in their speeches on the international agenda, which is reflected in the language choices. The analysis by linguists of culture-bound elements with the help of the chi-square test showed that the elements of non-German realities predominate in the speeches. The content analysis carried out by political scientists revealed that the leading German politicians tend not to demonstrate their national identity, giving priority to positioning Germany as a member of the EU and NATO.

Keywords: interdisciplinarity, national identity, professional discourse, political discourse, culture-bound elements, Germany.

How to cite this article: Chigasheva, M.A., Yelizaryeva, M.A., Nagumanova, V.A., Makushkina, E.A. (2023). Language, Politics, and Identity: an Interdisciplinary Investigation of Modern Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 31–45 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-31-45>

About the authors:

Marina A. Chigasheva, Cand. Sci. (Philology), is the Head of the Department of the German language at MGIMO University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-1423-5479.

Maria A. Yelizaryeva, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of the German language at MGIMO University (Moscow, Russia). ORCID 0000-0003-1340-8382.

Vera A. Nagumanova, Cand. Sci. (Philology), is a Senior Lecturer in the Department of the German language at MGIMO University (Moscow, Russia). ORCID 0000-0002-3226-2131.

Ekaterina A. Makushkina is a Bachelor's degree student at the Faculty of International Journalism at MGIMO University (Moscow, Russia). ORCID 0000-0003-4422-114X.

Received: April 16, 2023.

Accepted: May 19, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-46-59>

INTERPRETATIONAL CIRCLE AS THE KEY PRINCIPLE OF THE PHILOLOGICAL INVESTIGATIONS OF WILLIAM SHAKESPEARE'S NON-DRAMATIC TEXTS

Andrey A. Lipgart

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

a_lipgart@mail.ru

Abstract: Scholars engaged in the Shakespeare studies are familiar with the common problem arising in such kind of investigations – that of the insufficiency of the information concerning the biography of the great writer, the textual history of his works, the intended meaning of some of his texts. As the present research shows, in contrast to Shakespeare's dramatic texts whose biographical interpretations are largely unreliable, his non-dramatic works provide rich material for further biographical interpretations, these latter in their turn enabling the reader to come to a better understanding of texts under discussion. The present study is aimed at proving that the right approach to interpreting Shakespeare's non-dramatic works consists in moving within a kind of interpretational circle: after gathering the initial information about the content of a text and the more general context in which it was created, after realizing the objective limitations of a biographical approach to each particular text, a scholar may pass on to carefully extracting from a non-dramatic work by Shakespeare the information which may be treated as biographically and historically relevant. The analysis carried out in the paper has shown that Shakespeare's sonnets are the most fruitful material for gathering biographical information and that the interpretation of the texts of the sonnets as such does not require any profound knowledge of the general historical and cultural context, while the text of "The Phoenix and the Turtle" cannot be understood without taking recourse to the widest imaginable historical and cultural information; Shakespeare's narrative poems "Venus and Adonis" and "The Rape of Lucrece" may be placed in-between these two extremes.

Keywords: interpretational circle, William Shakespeare, Shakespearean studies, Shakespeare's Sonnets, "Venus and Adonis", "The Rape of Lucrece", "The Phoenix and the Turtle".

How to cite this article: Lipgart, A.A. (2023). Interpretational Circle as the Key Principle of the Philological Investigations of William Shakespeare's Non-Dramatic Texts. *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 46–59. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-46-59>

1. INTRODUCTION

William Shakespeare's biography and his literary works have been investigated for so long and in such minute detail that it might seem that at present little can be added to the mammoth collection of objective facts revealed by previous generations of scholars and to the interpretations of these facts offered by clear-sighted and well-informed philologists. This, however, is not the case. In Shakespeareology there are very few points upon which general consensus has been reached, and the relationship between biography and text in Shakespeare's case is one of the most celebrated questions provoking mutually exclusive answers. Due to the relative insufficiency of information concerning the great Bard's biography scholars tend to turn to his texts in the hope of gleaning at least some scraps of additional knowledge; due to the relative obscurity of some of his texts philologists turn to Shakespeare's biography in the hope of clarifying the meaning of the texts they are studying. In a situation like this matters of methodology inevitably come to the fore, and as within this approach the figure of the real man from Stratford takes pride of place, the immanent analysis is of necessity to be disregarded here, the exasperating cautiousness of the relativist-minded critics saying that nothing really can be taken for granted in any academic investigation is to be ignored as well. This does not mean to say that a Shakespeareologist studying and interpreting the moot points of the biography and the texts of the great author may give free rein to imagination and improvisation. As because of the insufficiency of information a scholar is likely to work mainly with circumstantial evidence, he is to check and recheck his assumptions and his conclusions separately and en masse, trying to arrive at a more plausible interpretation of Shakespeare's biography and his texts compared to what has been offered by this scholar's predecessors.

The present article is meant for a wide circle of readers, professional scholars, teachers, and students, who specialize in philology, history, and cultural studies. As it touches upon the problems connected not only with Shakespeareology but with the XVI century English literature and English and European history generally, it may help to broaden the readers' horizons and inspire them further on to conduct their own independent research.

The reference material given at the end of the article reflects but a tiny bit of the relevant investigations, but it is not too succinct all the same. As the subject under study is not widely known, introducing some hierarchy within the sources mentioned is deemed to be necessary. Of particular importance in this context are the following books mentioned in the References: [Chambers, 1930], [Chambrun, 1957], [Sams, 1997], [Wilson, 2004], [Asquith, 2005], [Hogge, 2005], [Heylin, 2009], [Dodwell, 2013], [Asquith, 2018].

2. MATERIAL AND METHODS

When in the 1940s Leo Spitzer [Spitzer, 1948] introduced the notion of a "philological circle" as the key principle of analyzing works of verbal art in the unity of their form and content in order to reveal the linguistic elements responsible for creating a certain aesthetic effect, he must have been aware of the fact that he was speaking about much more general things inherent to scientific research as a whole. When a certain dual relationship is investigated, like that of form and content in a work of verbal art, one may move from establishing the significance of a particular linguistic element within the conceptual system of a text, see whether the element in question exhausts the aesthetic linguistic description of the text, and if it does not, one should return to the linguistic description of the text yet again to reveal other elements which when brought together may give a

more satisfying answer to the question concerning the aesthetic uniqueness of the text under investigation. Analysis and synthesis here go side by side, and the procedure should be repeated several times, when the units deduced analytically are studied at another level of investigation, and the validity of the conclusion made is later checked by going back to yet another series of analytical operations.

Inspired by Spitzer's idea of moving from the particular to the general and then back to the particular, we have found a certain analogy between his methodology of stylistic analysis and the principles underlying the investigations in those present-day Shakespeare studies where historical and biographical material of various kinds is introduced in order to interpret Shakespeare's texts whose content thus clarified is used in its turn to further the initial historical and biographical knowledge the scholars possess. What we encounter in this case is the interpretational circle, if we may put it this way, and moving from a textual detail to biography and history and then back to the imaginative text is not the only possible direction of study, for we may start with a biographical or historical detail and look for the corresponding information in a text, so as to return to biography or history at the next stage of the analysis. Whatever the starting point, the interpretational circle is evident throughout, and it is the analysis of this methodological phenomenon as applied to William Shakespeare's non-dramatic works that we will now give our attention to.

The non-dramatic works we are about to analyze in the present article are Shakespeare's Sonnets, his narrative poems "Venus and Adonis" (1593) and "The Rape of Lucrece" (1594), and the poem "The Phoenix and the Turtle" (1601). There are two more non-dramatic texts in Shakespeare's oeuvre, "The Passionate Pilgrim" and "A Lover's Complaint", but as their authenticity is not immediately apparent and is heavily compromised, we decided to confine ourselves to the texts which are widely considered to have been written specifically by William Shakespeare and to find the way into the Shakespearean cannon without any suspicion of forgery.

The non-dramatic works were chosen for our interpretational circle analysis for the following reason: in contrast to the dramatic texts which should not be treated as appropriate material for revealing their author's views and biography (shall we equate Shakespeare with Iago or with Othello or with Shylock or with Antonio or with Bassanio?), non-dramatic texts offer a more obvious connection between what is said in them and who says it, although all the same there is a certain biographical distance between the real man and the author the way he reveals himself in the Sonnets, for example. Shakespeare's non-dramatic works do not offer tantalizing difficulties as to the time of their creation and their publication (the Sonnets, in this case, being the one notable exception), which makes it easier to draw biographical parallels and simultaneously not to incur criticism of those otherwise hostile scholars who adhere to the mutually exclusive chronological theories concerning the time Shakespeare's "Hamlet" was created and first performed (the dating here ranges from 1589 to 1602).

3. RESULTS AND DISCUSSION

The interpretation circle as applied to the four non-dramatic works just mentioned (we would prefer to treat the Sonnets as a single collection rather than as 154 separate texts) begins in every case with a summary of their content and some brief information concerning the dates of their writing and subsequent publication, as well as the addressees of the texts explicitly specified. It is correspondingly 1) a highly emotional account of the relations between a poet and his young patron, between a poet and a certain Dark Lady, and between the three of them, this account being preceded by a group of the 17 "procreation sonnets"; 2) an Ovid-based and radically reconsidered story of

Venus and Adonis, where the young gentleman stays cold to the advances of the sexually aggressive Venus and finds his death when trying to kill a monstrous boar during the hunt; 3) an Ovid-based story of a Roman noblewoman called Lucrece raped by a princeling called Tarquin, (this awful fact she reports to her husband and her father to call for vengeance), and committing suicide immediately after the relevant information is imparted to her relatives; 4) a mysterious description of a gathering of birds who came to lament the untimely death of the Phoenix and the Turtle, an ideal couple whose members formed one indivisible entity and simultaneously retained their separateness and uniqueness, and whose demise marks the extinction of Beauty, Rarity and Grace.

Chronologically, the most difficult case is the Sonnets which were first published as a collection in 1609, but the time when the bulk of the collection was written, in the opinion of different scholars, ranges from the beginning of the 1590s to the year 1597 and onwards; the main text is supplied with a dedication where two sets of initials are adduced ("Mr.W.H." and "T.T."), the first of these being one of the seemingly inscrutable riddles of Shakespearology. With the three other texts no serious chronological discrepancies are found: the two narrative poems were published with an explicit dedication to one and the same person, Henry Wriothesley, Earl of Southampton, in 1593 and 1594 respectively, and could not have been written much earlier than that, while the poem "The Phoenix and the Turtle" was published within the so-called "Chester Collection" in 1601 and apparently has got nothing to do with the general dedication preceding this collection. The content, the chronology, and the potential dedicatees thus tentatively or confidently clarified and identified, it is time for us to turn to the interpretational circle and to see whether there is any difference in the approach to the four texts mentioned with respect to their content and the historical and biographical information to be received if the circular movement is repeated several times.

Trite and irritating though some saws may be, in connection with the Sonnets it is difficult not to agree that in them Shakespeare must have revealed some secrets of his heart. Thus, it is tempting to start extracting from them biographical information at once, to discuss their chronological and thematic order (the inference here being that the original order of writing must have been consciously violated when they were first published), and to group and regroup them according to one's own revelatory insights. From this point of view the Sonnets seem to be the exact opposite of "The Phoenix and the Turtle", for the latter is conceptually so hermetic that without an adequate biographical interpretation, the reader will be unable to appreciate the text (if only he does not agree with placing it within the Parlement-of-Foules tradition). With the two narrative poems getting in-between these two extremes ("Venus and Adonis" still being closer to the Sonnets and "The Rape of Lucrece" in some sense approaching "The Phoenix and the Turtle"), we receive a working classification of texts to be treated differently in terms of the interpretational circle, the textual component being the key to biography and history in the first two cases and the biographical and historical component being the primary one compared to the textual component in the last two instances.

By and large, this statement is true, but there is one important reservation to be made here. Whatever the biographical value of the Sonnets, we cannot begin to interpret them biographically straightaway, because first, we need to establish when they were written and to whom they were addressed. In the absence of direct evidence, we have to turn to the circumstantial information, which strongly suggests Henry Wriothesley, the Earl of Southampton (1573-1624), as the dedicatee of the Sonnets. Southampton was the only benefactor Shakespeare is known to have had during his lifetime, his two narrative poems were dedicated to the young earl. Southampton lost his father when he was 8 years old and became a ward of the all-powerful William Cecil, Queen Elizabeth's chief minister. In the years 1590-1591 Southampton was 17 and reluctant to get mar-

ried, which was deplored by his mother and his grandfather, as Southampton's refusal to marry his guardian's granddaughter was fraught with him having to pay an exorbitant fine to the Cecil family and could have ruined the Southamptons financially. The Sonnet cycle begins with the 17 "procreation sonnets", where the author implores the addressee to get married immediately and to produce offspring; otherwise, in the absence of progeny, posterity would have no idea of how beautiful the young gentleman was, and Nature itself would be offended at such a waste. A strange line of reasoning indeed, if the texts were addressed to a very young man, but quite understandable if they were commissioned by the young gentleman's mother who knew he was in love with poetry and due to the persuasiveness of the poetic imploring could be cajoled into entering upon the problematic marriage project. Further circumstantial evidence (the texts of the *Parnassus plays* and of *Willobie his Avisa* [Sams, 1997, pp. 86-102]) suggests direct parallels between the situations described in the Sonnets and the biographical information which may be extracted from the non-Shakespearean texts just mentioned, and the case for Southampton as the dedicatee of the Sonnets could be considered complete if it had not been for one awkward detail – Southampton's abbreviated name is H.W., and not W.H., who was the supposed addressee of the Sonnets.

Many a serious scholar has stumbled upon this indisputable fact, which to many was the unsurmountable obstacle to discarding the Southampton theory altogether. As a result, an apparently true Mr. W.H. was found among Shakespeare's supposed surroundings – William Herbert, the Earl of Pembroke (1580-1630). Like Southampton, William Herbert was reluctant to get married at a young age, he was a patron of arts, handsome, courageous, and dashing [Heylin, 2009], and in addition to these prerequisite qualities he is mentioned in the obsequious dedication to the first edition of Shakespeare's Complete Plays (the 1st Folio of 1623), this dedication having been written by Shakespeare's fellow-actors John Hemminge and Henry Condell to express their gratitude to Pembroke and his brother Earl of Montgomery for help in preparing the 1st Folio for publication and for being the patrons of the deceased playwright while he was still alive.

Putting forward a candidate like this requires some doctoring of the crucial circumstantial evidence (the *Parnassus plays* and *Willobie his Avisa*, for example), and the line "You had a father" from Sonnet XIII is a good example of how difficult it is to explain away the overt reference to the addressee's "fatherless" state, which is quite natural if in connection with the "procreation sonnets," we are talking about Southampton, and which is quite inexplicable if we think it applies to William Herbert who lost his father at the age of 21. If because of Herbert's identification "the procreation sonnets" are to be moved to the year 1601 instead of 1590-1591, it flatly contradicts other incontrovertible textual references involving matters of chronology. The same, incidentally, applies to Sonnet CXXIV, which begins with the lines "If my dear love were but the child of state / It might for Fortune's bastard be unfather'd", containing the lexis one would naturally associate with Southampton in his adolescence. But the temptation proves too great, as the problematic W.H. abbreviation corresponds neatly to what the Pembroke theorists intended to find.

When confronted with this seemingly irrefutable evidence and with the suppression of some other diametrically opposite but equally irrefutable evidence, an uninitiated reader may feel at a loss and may wish to forget about it all, thinking that there is little chance that the impasse in question will ever be broken. However, the English-speaking academic community should be well aware of the fact that the stalemate had ended as far back as the year 1957 (for the French-speaking reader it was the year 1947) when the groundbreaking posthumous edition of Countess de Chambrun's book "Shakespeare: A Portrait Restored" was published [Chambrun, 1957]. Blissfully unrestricted by the necessity to take into account the intricate Protestant-biased traditions of British and American Shakespeareology, the French scholar of American origin Clara Longworth de Chambrun

(1873-1954) had an exhaustive knowledge of Shakespeare's works and his epoch, and so she was prepared to search for evidence in the direction no Protestant scholar was likely to explore. In her book, she offers a score of outstanding discoveries, and her answers to the questions concerning the identity of Mr. W.H. and the exact meaning of the dedication to the Sonnets are a good example of how profoundly she knew the epoch she was writing about [Chambrun 1957, pp.118-121].

The dedication placed after the title page of the 1609 edition of the Sonnets runs as follows:

TO. THE. ONLIE. BEGETTER. OF.
THESE. INSUING. SONNETS.
Mr. W.H. ALL. HAPPINESS.
AND. THAT. ETERNITY.
PROMISED.
BY.
OUR. EVER-LIVING. POET.
WISHETH.
THE. WELL-WISHING.
ADVENTURER. IN.
SETTING.
FORTH.
T.T.

As all the words in the dedication are singled out with the help of the ornamental dots it is not at once apparent whether we are dealing with one sentence or with two and whether Mr. W.H. is an indirect object if the whole text is read as one sentence or the subject of the first sentence if we divide the text into two sentences.

One thing is clear so far: the dedication is not written by Shakespeare, for it is signed by the publisher Thomas Thorpe (T.T.), but it may mean either "Thomas Thorpe wishes happiness and eternity to Mr. W.H. who is the only begetter (inspirer or procurer) of the sonnets" or "Mr. W.H. wishes happiness and eternity to the unnamed begetter (here it is undoubtedly 'the inspirer') of the sonnets, of which the publisher informs the public and emphasizes his warm attitude to the enterprise he is part of". The division into two sentences is endorsed by the fact that the lines beginning with the words "the well-wishing" are spatially separated from the previous part of the dedication. But the crucial evidence against Mr. W.H. being the inspirer of the Sonnets comes from altogether unexpected quarters: a dedication to the volume of spiritual poetry – attributed to the Jesuit martyr Saint Robert Southwell (1561-1595), but probably written by an eminent English Catholic aristocrat Philip Howard, Earl of Arundel – produced in 1606 by a London printer George Eld who three years later would print Shakespeare's Sonnets for Thomas Thorpe [Chambrun, 1957, pp. 119-121]. This volume of spiritual poetry also contains a dedication (mercifully, with no ornamental dots this time) signed by the very same person – W.H. – and written in a syntactically unambiguous form: "To the Right Worshipfull and Vertuous Gentleman, Mathew Saunders Esquire. W.H. wisheth, with long life, a prosperous achievement of his good desires" [Chambrun, 1957, p.120]. After this preamble comes an explanation of what this volume of poetry is like, to be followed by the final phrase: "Your Worships unfeigned affectionate W.H." [Chambrun, 1957, p.120]. The printer George Eld and, judging by the structure of the dedication, the W.H. in both cases are the same people, the latter most emphatically being not the addressee, but the procurer of the Sonnets who had passed the manuscript to the publisher.

As for the identity of the mysterious Mr. W.H., Countess de Chambrun suggests that it was a certain William Hervey (c.1565-1642), a step-father of the Earl of Southampton, an eminent man of letters and a politician with expressed Catholic sympathies (hence his participation in the publishing of Southwell's and/or Howard's "Four Meditations"), who after the demise of Southampton's mother in 1607 became his wife's sole legatee and who was uniquely placed to prepare the text of the Sonnets for publication [Chambrun, 1957, p.121]. The identification of Mr. W.H. is a lot less significant if he is not the addressee of the Sonnets, but it is relevant for recreating the Sonnets' textual history, and for this reason we decided to introduce the explanation of who he was side by side with the by far more exciting ideas concerning the actual addressee's identity.

It would have been natural if specialists in Shakespeare studies had gratefully accepted the knowledge their French colleague was so generously imparting. After all, she was a recognized scholar with a doctoral degree from the Sorbonne and an incumbent of the French Academy's prestigious Bordin Prize, no mere under-informed and unproductive amateur. But in this case, like in many other similar situations, the availability of the results of a particular research was exacerbated by the availability of the results of a plethora of other particular studies, which makes it impossible even for like-minded persons to read their peers' works thoroughly or to read them at all. All things considered, it comes as no surprise that Clare Asquith, a convinced propagator of the Catholic dimension in Shakespearology does not mention the Countess in either of her two seminal books [Asquith, 2005; Asquith, 2018], that Eric Sams [Sams, 1997], a brilliant specialist in Shakespeare's "lost years" to which the creation of the Sonnets is rightfully attributed, includes two of the Countess's books in his bibliography, but offers an erroneous syntactic interpretation of the dedication with Mr. W.H. (correctly identified as William Hervey) in the capacity of the indirect object, while Richard Wilson includes the 1957 edition in his bibliography [Wilson, 2004] without mentioning William Hervey anywhere in his text, for all his obvious interest in everything connected with Saint Robert Southwell. Compulsory higher education is no good thing, and Shakespearology would have fared much better had the ranks of the would-be specialists been reduced to a passable minimum.

Now let us return to the main subject of the present paper. The discussion of the textual history of the Sonnets and their potential "begetters" is the kind of preliminary information anyone who wishes to enter an interpretational circle as applied to Shakespeare's sonnet sequence must possess. The itinerary from biography to text thus cleared, it is now possible to use the text of the sonnets as the starting point and to begin suggesting theories concerning the relations of the characters delineated, always checking these postulates through reference to the existing historical information. No less justified is the purely aesthetic approach, which consists in reading the Sonnets the way they are, without any reference to the likely prototypes of their characters or the situations possibly reflected in the texts themselves.

Interpreting "Venus and Adonis" and "The Rape of Lucrece" is a more challenging task, for both texts are based on an allegory which is much more global than the one we occasionally come across in a particular sonnet or group of sonnets. With "Venus and Adonis", however, the situation is less complicated, as the lascivious and not-so-young Venus is rather obviously associated with Queen Elizabeth whose amorous courting of the adolescent Adonis strongly resembles the enforced love the Virgin Queen was trying to impose upon her reluctant subjects, all the while expecting reciprocity which she hardly ever received from people like Henry Wriothesley. The poem should be read as a warning to those mercilessly courted and effectively bridled by the state, and after clearing the path from history to text one might move in the opposite direction, using the interpretational circle as leading from text to biography, drawing amusing or stunning parallels

between the behavior of Elizabeth and that of Venus with her implicit sympathy to the murderous boar pig who appears to have shared her love for Adonis, or the behavior of young English aristocrats with pronounced Catholic leanings and that of Adonis whose only desire is to be left alone and not to be importuned by protestations of aggressive love he is not willing to share. Many minor details of the narration may be important here, and the method to be used when moving around the interpretational circle is precisely the same as it is with the Sonnets: it is either an unhurried quest for parallels and allusions or concentration on the poem as such, completely disregarding any potential parallelism.

Not so with “The Rape of Lucrece”. In the dedication to the Earl of Southampton preceding “Venus and Adonis” Shakespeare promised his patron to honour him “with some graver labour”, and he was as good as his word publishing his second narrative poem just a year after the first one got to the printer’s press. Graver surely it is, for the husband innocently boasting of his wife’s fidelity manages to provoke the wild jealousy of a princeling who subsequently gets into the couple’s house in the absence of the husband, premeditates rape, is entertained by the unsuspecting wife who shortly after supper goes to her private chamber and falls asleep, to be woken up by the rapist who had finally made up his mind and discarded all moral qualms which had initially prevented him from acting according to his sinister plan. Lucrece asks for mercy but receives none, she is ravished by Tarquin who leaves the place shortly after he had satisfied his lust, and Lucrece is left disconsolate, finding it impossible to continue living after the infamous act had taken place. The only way out of this impossible situation, in her opinion, is a suicide, which she commits in the presence of her husband and her father whom she had previously summoned to hear her sorry tale. Under the leadership of Lucius Junius Brutus the infuriated Romans dethrone the Tarquin dynasty, the republican rule is established, and the rapist together with his family is sentenced to eternal exile from Rome.

This text may be read as yet another piece of ancient literature faithfully retold by the 16th-century English poet of genius, but there are several points in the text which do not allow such a straightforward interpretation. Why does it take Shakespeare so long to show the moral qualms of the rapist in the making? Why does Lucrece speak at such length of the Opportunity? Why does Lucrece study so carefully the picture showing the siege of Troy and why does she become so furious at the sight of one particular character painted in the picture – namely, Sinon? Other questions are less significant, but they are also there: for example, why do Collatine and Lucretius begin an unseemly quarrel over Lucrece’s dead body and why does everybody eventually agree to follow Brutus?

One way to be rid of these questions is to say that according to the euphuistic tradition of his times Shakespeare chose to be nauseatingly long-winded and that the text is to be taken at its face value – as an overelaborate retelling of an ancient tale. But an attentive reader coming across such metaphorical descriptions of Lucrece as “the late-sacked island” (1740), which is “bare and unpeopled” (1741), such visual descriptions of the heroine as “her bare breast, the heart of all her land” (439), “to make the breach and enter this sweet city” (469), a “never-conquered fort” (482) “her mansion battered by the enemy” (1171) and many others, may feel that after all there must be some global allegory here concealed under the over-ornate style. What if the raped Lucrece is the personification of a raped country, as these regularly repeated metaphors seem to imply? There are definite historical parallels between the old tale retold and the veiled description of the desperate state of England in the 1590s, which Shakespeare consistently carries out in his second narrative poem, beginning with Henry VIII’s rapacious attack on the ecclesiastical system of his own country [Clark, 2021; Schroder, 2020], the dissolution of its monasteries [Willmott, 2020] on a scale

not comparable to anything done by Protestants in other European countries [Jakobsen, 2021]. In the near-destruction of his country's unique spirituality the king was supported by opportunists of various kinds, Henry Wriothesley's own grandfather included, and all this was followed by years of indecision on the part of the suppressed adherents of the old religion who preferred setting old scores to any coherent resistance [Asquith, 2018], the only acceptable solution, in this case, being the dethroning of a monarch turned tyrant (Brutus is introduced in the poem in the capacity of a national liberation leader). Here parallels are self-evident, and they are not the result of the reader's fantasy running wild – they are firmly rooted in the metaphorical system of the text hinting at the presence of some global allegory behind the unhurried narration.

All these points require no detailed discussion, but in one case the reader feels understandably puzzled. Why is it that Shakespeare thought it apt to introduce an inexplicably long scene when Lucrece is studying the picture of the destruction of Troy? Why does she fall into an uncontrolled fury at the sight of the figure of Sinon whose pictorial image makes her so incandescent with rage that she tears the picture of “the senseless Sinon with her nails” (1564)? Shortly before that Lucrece equates Sinon with Tarquin and expresses utter disbelief at the feigned dignity of the appearance of this vile person who had caused the fall of Troy. If there was a person in Shakespeare's England who had wreaked on the country a devastation comparable to the fall of Troy and, Tarquin-like, had raped it, all the while feigning mildness and restraint, it was Southampton's guardian William Cecil, Lord Burghley. Due to the platitudes he periodically used to utter – “Live not in the country without corn and cattle about thee, for he that must present his hand to the purse for every expense of household may be likened to him that keeps water in a sieve” [Wright, 1962, p.11] – he is sometimes seen as a prototype of Polonius, Ophelia's garrulous father, but the analogy here is false. Burghley was a much more sinister and infinitely more powerful politician than his would-be substitute from “Hamlet”. Apart from producing dicta in the Chinese-sage style, during his long and uninterrupted career Burghley kept robbing wealthy families through the intricate system of wardships and generously helped himself and his family to the spoils; Edmund Spenser in his “Mother Hubbard's Tale” (1591) could not miss an opportunity to satirize the behavior of the revered politician describing him as a Fox who overfeeds his cubs and introducing a somewhat cruel allusion to the deformity of Burghley's younger son Robert Cecil:

He fed his cubs with fat of all the soil,
And with the sweet of others sweating toil;
He crammed them with the crumbs of Benefices,
And fill'd their mouthes with meeds of malefices:
He clothed them with all colours, save white,
And loaded them with lordships and with might,
So much as they were able well to bear,
That with the weight their backs nigh broken were [Spenser, 1904, p.523].

Not satisfied with mere self-aggrandizement, Burghley invented and applied harsh legislation against Catholics and Puritans, which ranged from heavy fines and banishment to interminable imprisonment and execution (among Burghley's many victims special mention should be made of Mary Stuart, the martyr Scottish queen [Graham, 2008]).

Combining it all with entering upon hopelessly ineffective international warfare whose sole result was the death or the invalidization of so many young people, Burghley placed the country in a situation of acute crisis similar to that caused by Henry VIII's harsh policies. Henry the Tarquin and Burghley the Sinon had destruction as their preferred method of dealing with the opponents, they were true connoisseurs in the art of dissimulation, they invented or accepted financial schemes

which led to their personal advancement and simultaneously impoverishing their people, they were engaged in grandiose building projects, they started wars that were not likely ever to end. Lucrece had every reason to hate people of this kind, the rapists of the first order that they were, though only one of them had brutally violated her person. If Lucrece is the allegorical representation of the despoiled soul of England similar to the destroyed soul of Troy, to her and especially to the readers of her sad story the actions of both Tarquin and Sinon are equally pernicious. Lucrece's hatred would be shared by the understanding readers of Shakespeare's poem whose chief addressee, the Earl of Southampton, had been constantly humiliated and nearly ruined by the deludingly mild old man.

Venus and Sinon make a nice couple indeed, each of them given a narrative poem of their own where Spenser would bring them together (the Fox and the Ape of the repressed "Mother Hubbard's Tale"), but though separated, these two very clearly epitomize the misdeeds of their prototypes – Elizabeth Tudor and William Cecil – and their catastrophic mismanagement of the country which was unfathomably unfortunate to have been governed for so many years by the senior politicians of this kind. Characteristically, none of the two modern biographies of Burghley [Alford, 2008] and of Burghley and his family [Loades, 2007] goes so far as to mention Spenser or Spenser's text, while in Spenser's recently published biography [Hadfield, 2012] the Mother Hubbard episode is introduced – but without the mentioning of Queen Elizabeth. As we can see, Shakespeare's narrative poems were not the first to satirize and condemn the ill-assorted couple, though some historians are not very comfortable about this obvious fact even nowadays.

Burghley and his coterie were everywhere. Infiltration was the favoured tactic of Elizabeth's secret services [Haynes, 2009], and some fellow playwrights of Shakespeare were ready to side with the winners. Thus, Thomas Norton (1532-1584), the co-author of the famous "Gorboduc", combined his literary pursuits with being a rack master and was responsible for personally torturing the captured Catholic priests and laymen. An M.P. for Berwick (1562), he was competing in perfecting his rack-mastery with an M.P. for Beverly (1572) and later for Old Sarum (1584, 1586), called Richard Topcliffe (1531-1604), a psychopath and a sadist commissioned personally – and secretly – by the Queen to eradicate Catholicism in the country and authorized by the Privy Council to use torture as a matter of course. Elizabeth's personal contribution to the elimination of her opponents and the espionage effort may seem quantitatively unimpressive, but the quality of the work done by the particular highly professional and dedicated psychopath she had hired was beyond reproach. If he ever failed, he failed rarely, unable to break the spirit of a convinced Catholic and a future martyr of Robert Southwell's caliber [Hogge, 2005]. The rational and pragmatic Queen Elizabeth forgave Topcliffe this failure, being aware of the fact that in certain cases even committed professionals are powerless.

The other two playwrights we are going to mention here had no such lofty connections and assumed the more mundane role of an *agent provocateur*. The first of them is Anthony Munday (1560? – 1633) who as a young man infiltrated the Rome English Seminary [Devlin, 1969], was honoured – impossibly! – by attending an audience with the ageing pontiff, revealed to the English government the identities of so many Catholics returning to England from Italy and acted as a witness at the November 1581 trial where the celebrated Jesuit priest Edmund Campion (1540-1581) and his comrades were condemned to death through being hanged, drawn and quartered, on trumped-up charges of participating in a mass conspiracy to murder the queen. The second playwright to be added to the list is Christopher Marlowe (1564-1593), who was no less successful in infiltrating the Rheims seminary and in divulging to the authorities the names of people who had trusted him [Judd, 2021]. Temperamentally he was very different from Munday (the latter being a circumspect sycophant), and instead of living until the ripe old age Marlowe met an untimely

violent death at the hands of his colleagues – the government spies. Not that those members of the spying community had any specific grudge against Marlowe, it was business pure and simple throughout, as they were ordered to get rid of an agent who was gradually turning into a liability and a security risk.

In the intelligence hierarchy, whose members were one way or another connected with the theatre, there was room even for a lowlier placed group of agents who specialized in eavesdropping, though the work of *agent provocateur* was not entirely unfamiliar or inaccessible to them. Here we mean actors, some of them talented, some of them not, who used their professional gift of the gab to induce the unsuspecting interlocutors to share their innermost thoughts and grievances with their attentive listeners [Andrew & Green, 2021, pp.11-32]. Typically, the continuation would be the following: the actors quietly moved to another place where they would combine theatre with surveillance, while those who had been imprudent enough to share dangerous opinions with complete strangers would be routinely arrested and interrogated in accordance with the principles actively propagated by Norton and Topcliffe. Such were the conditions under which William Shakespeare lived and worked, and such were the people with whom he had to establish professional and personal ties.

When treated as an old tale retold, “The Raping of Lucrece” requires no commentary at all. When read as a global allegory – and we have every reason to believe that it was intended as such – Shakespeare’s narrative poem should be analyzed within the interpretational circle when careful attention should be given to the full story of English Reformation and Counter-Reformation, and the interrelation between history and text inevitably shifts in the direction of history. The interpretational circle, however, remains intact, for first we look at a detail like Cardinal Wolsey alerting Henry VIII to the wealth and the glory the pre-reformed English Church possessed and see whether it fits in the general context of “The Rape of Lucrece”; on getting an affirmative answer we turn to other details like those concerning Henry’s opportunist associates and see whether it also fits in; and thus we continue moving around the interpretational circle, accepting certain parallels and discarding some other, until we get a more or less plausible explanation of what the global allegory lying at the heart of “The Rape of Lucrece” is called upon to reveal.

Having thus considered the three texts whose interpretation requires ever-increasing attention to history, we will now turn to the last example where the role of history and biography is especially great. The text we will be speaking about is the mysterious poem “The Phoenix and the Turtle” published under Shakespeare’s name in 1601.

The most commendable thing about this truly hermetic text is that it consists of 67 lines only. Had it been the size of “Venus and Adonis”, for example, it would have become absolutely impossible to interpret, and the other three works of Shakespeare we have talked about in this paper would have been included in the hopeless category of “also-ran” in our imaginary non-interpretability competition.

In the first 5 stanzas of the poem several birds are mentioned who are invited to be present at the funeral rites accompanying the burial of the Phoenix and the Turtle; in the next 8 stanzas the unusual non-marital spiritual relations of this apparently married couple are described with the idea that in their case one plus one made one constantly repeated; the last 15 lines state the fact that on the demise of the two birds the world has lost its precious essential qualities. Shakespeare’s text contradicts the traditional Phoenix legend in that there is no resurrection of the mysterious bird, which in Shakespeare’s poem is coupled with an equally significant mate – again, contrary to the

tradition. A versificatory exercise it could be, an original twisting of the old legend with no hidden meaning to be attached to it, but any sensitive reader is likely to disagree with this interpretation – for reasons unquantifiable and purely intuitive, as there is too much emotion in the following lines of the poem for it to be a mere poetic experiment:

Here the anthem doth commence:
Love and constancy is dead;
Phoenix and the Turtle fled
In a mutual flame from hence.

So they loved, that love in twain
Had the essence but in one;
Two distincts, division none:
Number there in love was slain. (21-28).

In the absence of allusions to islands, forts, and cities which have served as a key to the true identity of Lucrece and Tarquin the only clue to the hidden meaning of the hermetic text we are dealing with now is the description of the details of the funeral rites with its mentioning of ‘the requiem’ – “Lest the requiem lack his right” (16), and of prayers for the dead – “For these dead birds sigh a prayer” (67). A requiem as part of the funeral service is a specifically Catholic phenomenon not found in the Protestant tradition; the same applies to the prayers for the dead, which were banned in Elizabethan England. The invitation to “sigh a prayer” was sufficiently seditious in the year 1601, when the poem was published, for Shakespeare not to leave any clearer clues as to the identity of people disguised under the heavy veil of allegory. Given the general tragic tone of the poem and the reference to tyranny, our search then narrows down to a couple engaged in chaste marital relations, professing Catholicism and passing away under tragic circumstances about the year 1601. The identification of Phoenix as Anne Line [Dodwell, 2013], a devout Catholic who for several years had been in charge of a safe house in London where Catholic priests returning to England from the continent found shelter and who was sentenced to death and executed for these clandestine activities (the execution took place on February 27, 1601) was first suggested by Countess de Chambrun [Chambrun, 1957, pp.238-247] and is now supported by a number of scholars (who would have done well to have acknowledged the borrowing). The Turtle is more difficult to identify, the candidates here being either Roger Line (the husband of Anne, who was imprisoned and banished for his Catholic views in the 1580s and who died in Flanders several years before Anne’s execution) or the Benedictine priest Mark Barkworth who was executed together with Anne, but no record of their communication prior to the day of the execution survives.

The identification, of course, is purely hypothetical. But accepting Anne Line as a prototype allows one to arrive at a convincing list of further identifications: “the bird of loudest lay” from the first line of the poem could have been William Byrd, the leading composer at Elizabeth’s court, specializing among other things in Catholic liturgical music; Henry Garnet, head of the Jesuit mission in England, is a likely candidate for the role of “a treble-dated crow”; John Gerard, an English Jesuit who supervised Anne Line’s work as a hostess of a safe house, is “the death-divining swan” who is conducting the funeral service; the eagle who could not have been present physically but is still invited is King James VI of Scotland, son to the martyr Catholic Scottish queen Mary Stuart; the shrieking harbinger who is debarred from attending the ceremony is the pursuivant and the torturer Richard Topcliffe whom we have already mentioned in connection with “The Rape of Lucrece”.

The poem as a whole may be treated as a requiem commemorating the gradual extinction of Catholic spirituality, a text much more pessimistic compared to that of “The Rape of Lucrece” and auguring nothing good for England. The explanation for the poet’s demoralized state is not difficult to find, as the tragic death of Anne Line coincided with the execution of the Earl of Essex on February 25, 1601, and the concomitant incarceration of Shakespeare’s patron, the Earl of Southampton, for his participation in the Essex rebellion, who was to spend more than two years in the Tower and to be released after Elizabeth’s death by King James.

Thus, this most hermetic of Shakespeare’s texts may be deciphered through turning to contemporary history and to the writer’s biography. Moving around the interpretational circle, in this case, gives pretty little to infer about the author’s life story from the text, but offers a lot for the understanding of the text itself due to analyzing the broader historical and biographical context.

4. GENERAL CONCLUSION

As our analysis has shown, William Shakespeare’s non-dramatic texts – some of them under-anthologized and underestimated – are not just beautiful pieces of writing unrelated to the actual events of his life and to the history of his country generally. Their immanent interpretation leads to failure and without an understanding of the why and the wherefore the reader is unlikely to appreciate them. The productive analysis of these works of verbal art involves moving round the interpretational circle, from history to text and then back from text to history. Biographical and historical inferences are most profitable, multiple, and convincing in the case of the Sonnets, less so with “Venus and Adonis”, while “The Rape of Lucrece” and especially “The Phoenix and the Turtle” are next to incomprehensible without the extensive knowledge of extralinguistic information, and in their interpretation, one should move almost exclusively from history to text, and practically never from text to history.

Conflict of interest

The author declares there is no conflict of interest.

REFERENCES

- Alford, S. (2008). *Burghley: William Cecil at the Court of Elizabeth I*. New Haven & London: Yale University Press.
- Andrew, C., & Green, J. (2021). *Stars and Spies: Intelligence Operations and the Entertainment Business*. London: The Bodley Head.
- Asquith, C. (2005). *Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare*. New York: PublicAffairs.
- Asquith, C. (2018). *Shakespeare and the Resistance: the Earl of Southampton, the Essex Rebellion, and the Poems That Challenged Tudor Tyranny*. New York: PublicAffairs.
- Chambers, E.K. (1930). *William Shakespeare: A Study of Facts and Problems*. In 2 volumes. Oxford University Press.
- Chambrun, C.L., de. (1957). *Shakespeare: A Portrait Restored*. New York, P.J. Kennedy & Sons.

- Clark, J.G. (2021). *The Dissolution of the Monasteries: A New History*. New Haven & London: Yale University Press.
- Devlin, C. (1969). *The Life of Robert Southwell, Poet and Martyr*. New York: Greenwood Press, Publishers.
- Dodwell, M. (2013). *Anne Line: Shakespeare's Tragic Muse*. Bool Guild Publishing.
- Graham, R. (2008). *An Accidental Tragedy: The Life of Mary, Queen of Scots*. Edinburgh: Birlinn.
- Hadfield, A. (2012). *Edmund Spenser: A Life*. Oxford University Press.
- Haynes, A. (2009). *The Elizabethan Secret Services*. The History Press.
- Heylin, C. (2009). *So Long as Men Can Breathe: The Untold Story of Shakespeare's Sonnets*. Da Capo Press.
- Hogge, A. (2005). *God's Secret Agents*. Harper Perennial.
- Jakobsen, J.G.G. (2021). A Brief History of Monasticism in Denmark (with Schleswig, Rugen and Estonia). *Religions*, 12 (469), 1-20.
- Judd, A. (2021). *A Fine Madness: A Novel Inspired by the Life and Death of Christopher Marlowe*. London: Simon & Schuster.
- Loades, D. (2007). *The Cecils: Privilege and Power Behind the Throne*. Kew: The National Archives.
- Sams, E. (1997). *The Real Shakespeare: Retrieving the Early Years, 1564-1594*. Yale University Press.
- Schroder, T. (2020). *A Marvel To Behold: Gold and Silver at the Court of Henry VIII*. Woodbridge: The Boydell Press.
- Spenser, E. (1904). *The Works of Edmund Spenser*. London: Macmillan and Co.
- Spitzer, L. (1948). *Linguistics and Literary History: Essays in Stylistics*. Princeton: Princeton University Press.
- Willmott, H. (2020). *The Dissolution of the Monasteries in England and Wales*. Sheffield & Bristol: Equinox Publishing.
- Wilson, R. (2004). *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester University Press.
- Wright, L.B. (1962). *Advice To A Son: Precepts Of Lord Burghley, Sir Walter Raleigh and Francis Osborne*. Cornell University Press.

About the author:

Andrey A. Lipgart, Dr. Sci. (Philology), is a Professor in the Department of English Linguistics at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), and he is currently serving as the Acting Dean of the Philological Faculty at the same university. ORCID: 0000-0001-6548-0680.

Received: March 14, 2023.

Accepted: April 18, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-60-69>

CONNOTATIVE MEANINGS OF COLOR IN ALGERIAN CULTURE: CASE STUDY OF RED AND YELLOW

Nouredine Derki

Mustapha Stambouli University of Mascara

(Mascara, Algeria)

derkinouredine@yahoo.com

Abstract: This article investigates the connotative meanings of the color terms “red” and “yellow” in Algerian culture from a pragmatic perspective. The study aims to explore the different connotative representations that these colors can acquire in various contexts. The data for this study were primarily obtained from Algerian newspapers, TV series, and social media posts. To pinpoint the accuracy of the analysis, a Discourse Completion Task (DCT) questionnaire was distributed among male and female Algerian students at Jordan University. The DCT comprised 12 situations, with six for each color, and participants were required to determine the appropriate meaning in each situation. The collected data was then analyzed qualitatively in detail. The results have shown that while the red color in Algerian culture has both positive and negative connotations, yellow always bears a negative connotation. These findings provide valuable insights into the cultural associations and symbolism of these colors in Algerian society, which can be relevant for professionals in fields such as marketing, advertising, and international business to enhance their cross-cultural communication and understanding.

Keywords: color connotation, Algerian culture, pragmatics, cultural symbolism, Discourse Completion Task (DCT), red, yellow, cross-cultural communication.

How to cite this article: Nouredine Derki (2023). Connotative Meanings of Color in Algerian Culture: Case Study of Red and Yellow. *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 60–69. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-60-69>

1. INTRODUCTION

Language is a uniquely human system of communication that billions of people around the world share. With over 6000 spoken languages in existence, it's clear that while there are differences between them, similarities also exist. Despite debates about the universality of language, linguist Noam Chomsky's theories on Universal Grammar have advanced cross-linguistic inquiry [Cook & Newson, 2007]. However, language cannot be studied in isolation from the

society and culture that shape it. An example of how culture affects language can be seen in the notion of connotation. While color is universal in that all languages have words for it, the meanings of colors can differ across languages and cultures.

The study of connotative meanings of colors has inspired many researchers up to the present day. Connotations link linguistics, pragmatics, and sociolinguistics studies, i.e. language and culture. The Oxford Dictionary defines connotation as “an idea or a feeling that a word invokes for a person besides its literal meaning” [Oxford English Dictionary]. In other words, the implicit meaning of a particular word can be altered due to various reasons like culture, for instance.

Ghazala [1995] suggested that connotation is a “combination of two or more words that always occur together consistently in a different context in languages”. Another definition was proposed by Sag et al. [2007] in which the connotation is “syntactically and semantically compositional, but statistically idiomatic”. Concerning the latter assumptions, colors are the best examples of words that evoke connotative meaning.

Colors are universal in that, across all cultures, there exist words/expressions that denote colors; however, the meaning of the colour terms may differ from one language to another. Studies on this subject concluded that culture plays a crucial role in determining different definitions of a particular color. The most common example is that of black and white, thus, in China, for instance, the color white is used to depict obsequies, whereas in the West (Europe and the USA) they use the color black to denote the same thing. The notion that language and culture are closely related gave rise to cross-cultural studies in which researchers studied various words and expressions across different languages and cultures and tried to establish the differences and the main reasons behind them.

2. LITERATURE REVIEW

The connection between language and culture is reflected in identity, where different languages mirror different cultures. This difference can be noted even on the local level; speakers sharing the same language might interpret particular words/expressions differently. For instance, Adams & Osgood [1973] compared the connotative structure of the color terms *black*, *white*, *grey*, *red*, *yellow*, *green*, and *blue* in English and 23 other languages. Results showed that the color *white* always has a positive connotation across all the languages studied. *Red* was found to occupy a relatively neutral point, while yellow tends to be positively evaluated across languages.

Saito [1996] and Hemphill [1996] investigated the emotional responses to colors, including *white*, *pink*, *red*, *yellow*, *blue*, *purple*, *green*, *black*, and *grey*. The researchers found that brighter colors like *white*, *red*, *pink*, and *green* evoke positive responses. This latter comprises feelings like happiness, excitement, relaxation, and being positive. On the other hand, darker colors, such as *black* and *grey*, evoke anxiety, boredom, sadness, and negative responses. Other researchers later verified such findings [Kaya – Epps, 2004; Meier et al., 2004; Elliot & Maier, 2007].

Although scarce, some studies on the connotative meanings of color terms in the Arabic language are worth mentioning. Al-Adaileh [2012] examined the X-phemic uses of colour terms in Jordanian Arabic, including *black*, *white*, *yellow*, *red*, *green*, and *blue*. The data analysis revealed that colors have many orthophemistic connotations (straight-talking), and dysphemistic connotations (offensive language) of the studied colors than euphemistic ones (sweet-talking). It was also found that the uses of *black*, *yellow*, *red*, and *blue* are predominantly dysphemistic. In contrast, *white* mostly has positive connotations, but *green* is associated with euphemistic and dysphemistic connotations.

The present research hopes to add to the limited literature on this topic, especially in Arabic. The researcher believes that the present paper is the first attempt to explore the connotative meanings of colors in the context of Algerian Arabic.

3. METHODOLOGY

For this study, data were primarily sourced from Algerian newspapers, TV series, and social media posts. The researcher also collaborated with colleagues and enlisted the help of friends to gather additional insights and validate interpretations of the connotations of the words under examination.

As for newspapers, we detected the use of color terms in two Algerian electronic newspapers, *Enahar* and *Echorouk*. We chose these particular newspapers because of their large fan base as they have approximately more than 1 million daily readers. Secondly, it is due to the style of writing as editors of these newspapers often allow expressions in informal Arabic to draw the reader's attention, which is very helpful for our study.

Then the researcher summarized the findings in a DCT distributed among 40 Algerian university students. This task aimed to pinpoint whether or not the different connotative meanings were shared among the speech community. The answers were accepted in informal language to make the data collection environment stress-free and as naturalistic as possible.

The researcher proposed twelve situations where each color item was put in six different scenarios. In each case, the color acquires a new meaning different from the previous context. The participants were required to identify and describe the meanings of the term based on its context and their background knowledge and experience. The colors examined in this study were selected because they are frequently used in daily interactions.

For the present study, a random sample of 40 Algerians between the ages of 23 and 28 was selected, with 20 male and 20 female participants. All participants were Ph.D. students at Jordan University, studying a variety of fields such as Mathematics, English, and Food Science. The sample was primarily aimed at younger individuals, as they tend to use the language in question more frequently, and were also more accessible to the researcher.

4. ANALYSIS AND INTERPRETATION

In this section, we aim to address the earlier question regarding the connotative meanings of the colors red and yellow in Algerian culture. Each situation will be examined to determine the connotations associated with each term. As such, this section will be divided into two parts, with each focusing on one of the colors - red and yellow. It is worth noting that the situations presented in the DCT questionnaire were in Algerian Arabic, and therefore literal and phonetic transliterations will be utilized to maintain the meaning of the expressions. The following list depicts major phonological symbols of Arabic which do not have equivalent sounds in the English language:

ħ: ح x: خ ʕ: ع

4.1. Red Color

The analysis of data collected while conducting this research shows surprising results. After reading participants' answers from different cultural backgrounds, we found that *red* in Algerian culture may convey a negative meaning. Algerians use a set of colors in their speech to express a

certain emotional or physical state and other characteristics related to nature. The red color in the Algerian culture denotes distinct meanings. On the one hand, it carries positive connotations, as Tao [1994] states. For example, the red color symbolizes love and passion. Consider the following Algerian expression:

1. /allah *jeħamar* wadzehak ja waldi: /

May Allah help you to succeed, my son/daughter.

In Situation 1, the red colour is used to wish success to someone. Usually, it is used by older people towards younger ones. In this example, a father/mother is talking to his or her son/daughter, and using “red face” has a positive connotation. In this context, “a red face” is similar to “may Allah bless you” or “may Allah bring joy to you”. Another positive connotation of the color red in this situation is the reflection of the parents’ satisfaction as their children made them proud.

2. /cheft walid ki rdzaħ *ħamar* baħd ma saqsaweh 3la xati:btah /

Have you seen Walid’s red face when he asked him about his fiancé?

In Situation 2, we have two friends talking about their acquaintance. The word *red*, in this context, can have two opposite meanings (connotations). First, it can be used as a sign that the person is shy. It is almost universal that shyness is reflected by redness on a person’s face (cheek). However, red in this situation may convey the meaning of anger in certain situations. Getting into people’s personal lives is impolite and often makes others uncomfortable. This latter can be expressed in different ways, such as being angry. It is also known that a red face indicates anger, which is reflected in cartoons, for instance, the famous “Tom and Jerry”.

3. / nedzi lik *nħamar* lik wadzhak /

I will come and make your face red.

In Situation 3, we examine another connotative meaning of the red color. This situation reflects a case of intimidation where the speaker threatens the hearer. In this context, associating a face with the red color has a negative inference. The red color denotes that the speaker will harm the hearer, suggesting he will hit him in the face.

4. / kayn ġibad ġinhom *ħamra*: /

There are some people who have a red eye

In Situation 4, we examine another example of a negative connotation of the color red. In this context, the speaker assigns *red* to another body part rather than the face (eye). In this sense, *red* acquires the meaning of someone envious. This expression has the English equivalent: “green-eyed person”.

5. / charaj 3ino *ħamra* /

The buyer has a red eye.

In Situation 5, we have a description of the color red with a positive connotation. This is a common idiom or an established saying used among traders to depict the perfect customer. A good client buys. Therefore, *the red eye* refers to the shopper’s intention to purchase goods. In a nutshell, a red-eyed buyer is a person who purchases without hesitation or bargaining. Sometimes, this expression is used as an inference and a strategy to provoke the customer.

6. / *eldhalem axertu: mu:t ħamra* /

The oppressor will have red death

In Situation 6, another negative connotative meaning of *red* can be observed. Similar to the previous example, we consider another type of an Algerian-established saying. In this context, *red* is associated with death. It is used to depict the severe consequences a wrongdoer (oppressor) will face in the afterlife, starting with having a terrible end. *Red death* is a metaphorical expression used to prevent people from being bad to each other.

4.2. Yellow Color

The yellow color is widely used in Algerian speech. Generally, it conveys negative connotations in the Algerian culture, such as sickness, evil-full matters, and harm. Hence, we turn to detail the different connotations reflected in each of the six situations.

7. / *hadi dahka sfra tašk wašra bzaf* /

This yellow smile of yours is so dangerous.

Situation 7 depicts an interaction between two acquaintances where the speaker describes the hearer. In this context, the color yellow characterizes the act of smiling. It is important to mention that such manifestation negatively affects Algerian culture. This expression is used to mark the act as devilish and evil-full, i.e. “a person with a yellow smile” means that he/she has done something bad and he/she is hiding it or intends to do something bad.

8. / *hadik msfara hija li hadret fik* /

That yellow girl is the one who stubbed you on your back

In Situation 8 *yellow* is used as an adjective to describe a person. In Algerian culture, calling someone yellow is related to their physical appearance or personality. In both contexts, the color depicts a negative connotation. While the former may be interpreted as an illness or jadedness, the latter can be explained as a bad person. In this context, someone has stubbed their friend in the back; therefore, he/she is referred to as a bad “yellow” person.

9. / *ljom feft dzarkom wedzho kan sfar* /

Today, I saw your neighbor, and his face was yellow.

In Situation 9, we continue our analysis of the connotative meanings of colors and explore another element previously discussed. While in an earlier situation we provided an example of how the color yellow can be used to describe someone’s personality, in this situation, we see that yellow can also be utilized to convey an individual’s physical state. Algerians often use the color *yellow* to emphasize the deplorable conditions, where “a yellow person” refers to someone pale, tired, and sick.

10. / *feft ki rjaš sfar ki saksito šla draħmi* /

His face became all yellow when I asked him about my money.

Continuing with the notion of color and physical appearance, we should note that Situation 10 is almost similar to Situation 2 discussed above. In this context, a person’s reaction to an embarrassing question was seen as *yellow*. The situation concerned two people; one owed money to

the other; when he was asked to return the money, he had borrowed from his friend, that particular individual felt annoyed and uncomfortable by the question directed towards him. This means that *yellow*, in this respect, acquires a negative connotation.

11. / *ʃeft kamis lsfar taʃ Dortmund ʃhal chbab* /

Have you seen Dortmund's yellow kit, isn't it nice?

In Situation 11, the color yellow is used in its default value. It is used to describe the color of a shirt, namely that of the famous German football club Borussia Dortmund. This means that in this context, the term denotes color only.

12. / *ja msfar roht w xalitni nstanak* /

O you yellow boy, you went and left me waiting for you.

In Situation 12, we tackle an example of a negative connotation used in a positive context. Before we analyze the situation, it is important to talk about one form of positive impoliteness. One marker of intimacy is the high rate of impoliteness used between friends. Commonly, close/intimate friends use informal jargon (calling names) with each other. In this example, we have two friends, and one left without waiting for the other. This latter used "*yellow*" to describe his friend because he kept them waiting. Even though the term "*yellow*" has a negative connotation, we cannot confirm that it is because this is a case of intimacy.

To sum up, the data analyzed and discussed above reflect the diversity of meanings one expression can acquire in different contexts. The study focused on two variables, *red* and *yellow*. Participants commented on each situation according to their knowledge and experience because the DCT was based on real data, which means that the situations reflected daily encounters. To organize our findings in a few words, Algerians considered the red color as having a positive connotation in Situations 1, 2, and 5, whereas the yellow color was marked with a negative connotation in almost all cases (except Situation 11).

5. CONCLUSIONS

Communication is not always straightforward, and people often rely on their pragmatic competence to convey meaning in everyday life. Color terms are a prime example of this phenomenon, used in specific contexts to transmit messages. This study aimed to investigate the pragmatic use of colors in Algerian Arabic.

Our findings revealed that the use of red and yellow in Algerian Arabic varied depending on the situation. Red had both positive and negative connotations, whereas yellow had almost exclusively negative connotations, with the exception of its use as a stock color term. Further research is needed to explore the meanings of other colors and to assess the impact of culture on color denotation and possible connotations through cross-cultural studies.

Conflict of interest

The author declares there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Adams, F., & Osgood, C. (1973). A cross-cultural study of the affective meanings of colour. *Journal of Cross-cultural Psychology*, 4, 135–56.
2. Al-Adaileh, B. A. (2012). The Connotations of Arabic Colour Terms. *Linguistica Online*, 13, 1-18.
3. Cherry, K. (2018). Color Psychology: Does It Affect How You Feel? How Colors Impact Moods, Feelings, and Behaviors. *Verywell Mind*. Retrieved from <https://www.verywellmind.com/color-psychology-2795824> (accessed: 15 January, 2023).
4. Cook, V. J., & Newson, M. (2007). *Chomsky's Universal Grammar: An Introduction*, 3rd Edition. Blackwell Publishing.
5. De Bortoli, M., & Maroto, M. D. (2001). *Colours Across Cultures: Translating Colours in Interactive Marketing Communications*. Global Propaganda.
6. Elliot, A. J., & Maier, M. A. (2007). Color and Psychological Functioning. *Current Directions in Psychological Science*, 16(5), 250–254. <http://www.jstor.org/stable/20183210>
7. Ghazala, H. S. (1995). *Translation as problems and solutions : a coursebook for university students and trainee translators*. London: Valletta : ELGA.
8. He, G. (2011). A Comparative Study of Color Metaphors in English and Chinese. *Theory and Practice in Language Studies*, 1, 1804-1808.
9. Hemphill, M. (1996). A note on adults' colour-emotion associations. *Genetic Psychology*, 157 (3), 275–80.
10. Kaya, N., & Epps, H. H. (2004). Relationship between color and emotion: A study of college students. *College Student Journal*, 38(3), 396–405.
11. Mehawesh, M., Jaradat, A., & Sadeq A. (2015). The Behaviour of Colour Terms in Jordanian Arabic: Lexical and Grammatical Evidence. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6, 6 (4), 44-58.
12. Meier, B. P., D'Agostino, P. R., Elliot, A. J., Maier, M. A., & Wilkowski, B. M. (2012). Color in context: psychological context moderates the influence of red on approach- and avoidance-motivated behavior. *PloS one*, 7(7), e40333. doi:10.1371/journal.pone.0040333
13. Oxford English Dictionary. Retrieved from <https://www.oed.com/> (accessed: 20 January, 2023).
14. Rabab'ah, K., & Al-Saidat, E. (2014). Conceptual and Connotative Meanings of Black and White Colours: Examples from Jordanian Arabic. *Asian Culture and History*, 6 (2), 255-260.
15. Sag, I. A., Baldwin, T., Bond, F., Copestake, A., & Flickinger, D. (2002). Multiword expressions: A pain in the neck for NLP. Proceedings of Computational Linguistics and Intelligent Text Processing: *Third International Conference: CICLing-2002, Lecture Notes in Computer Science*, 2276, 1-15.
16. Saito, M. (1996). Comparative studies on colour preferences in Japan and other Asian regions with special emphasis on the preference for white. *Colour Research & Application*, 21, 35–49.
17. Tao, W. (1994). Colour Terms in Shang Oracle Bone Inscriptions. *Bulletin of the School of Oriental and African Languages*, 59(1), 63-101. doi:10.1017/S0041977X00028561, <http://dx.doi.org/10.1017/S0041977X00028561>

About the author:

Noureddine Derki holds a Ph.D. in English Linguistics from the University of Jordan. He is currently serving as an Associate Professor at Mustapha Stambouli University of Mascara (Mascara, Algeria). His research interests are in Discourse Analysis, Pragmatics, and Translation. ORCID: 0000-0003-4282-1416.

Received: November 22, 2022.

Accepted: February 17, 2023.

Appendix

استبيان

نشكرك على موافقتك على المشاركة في هذا الاستطلاع المهم الذي يصبو الى معرفة دلالات اللونين الاحمر والاصفر أثناء استعمالهما في الكلام من قبل المتحدثين الجزائريين بالعامية. اقرا الجمل التالية ثم حاول في سطر او اثنين شرح ما فهمته

(1) الله يحمر وجهك يا ولدي

.....

.....

(2) شفت وليد كي رجع وجهه حمر بعد ما سقساوه على خطيبتها

.....

.....

(3) نجي ليك نحمرلك وجهك

.....

.....

(4) كاين عباد عينهم حمرة

.....

.....

(5) الشراي عينه حمرا

.....

.....

(6) الظالم آخرتو موتا حمرة

.....

.....

(7) هذي الضحكة الصفرة تاعك واعرة بزاف

.....

.....

(8) هذيك المصفارة هي لي هدرت فيك

.....

.....

9) اليوم شفت جارك ما وجهه كان صفر

.....

10) شفت وجهه كي رجع صفر كي سقسيته على دراهمي!!

.....

11) شفت القميص لصفر تاع دورتموند حال شباب

.....

12) يا المصفار رحت وخليتي نستناك

.....

شكرا لتعاونكم

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-70-80>

STRETCHING REALITY: THE FUNCTION & TRANSLATION OF HYPERBOLE IN ANGLOPHONE SATIRICAL SCIENCE FICTION LITERATURE

Alina Yu. Ievleva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)
alina-vesta@mail.ru*

Dmitry S. Khramchenko

*MGIMO University
(Moscow, Russia)
d.khramchenko@inno.mgimo.ru*

Abstract: This study investigates the use of hyperbole as a satirical device in English-language science fiction, examining its stylistic conveyance and translation into Russian. Employing linguo-stylistic analysis, translation analysis, and functional-linguistic component examination, various definitions of hyperbole are explored. The results indicate that hyperbole serves as an artistic tool for deliberate exaggeration, capturing the reader's attention and emphasizing the author's stance. Focusing on Harry Harrison's science fiction novel "Bill, the Galactic Hero" and its two translations by V. P. Kovalevsky, the research scrutinizes hyperbole's contribution to satirical effects and identifies two types of hyperbolic exaggerations: contextual and hidden. Hidden hyperbole is further expressed through stylistic contrast and enumeration. In the Russian translations, the satirical effect is largely preserved, albeit with some losses. The study underscores the significance of hyperbole in engaging readers' critical thinking and directing their focus towards real-world issues within the science fiction narrative. For professional translators, recognizing and conveying hyperbole is crucial in accurately representing the author's intended meaning.

Keywords: Hyperbole, Satire, Science fiction, Translation, Linguo-stylistic analysis, Professional competencies, Cultural transfer.

How to cite this article: Ievleva, A.Yu., Khramchenko, D.S. (2023). Stretching Reality: the Function & Translation of Hyperbole in Anglophone Satirical Science Fiction Literature. *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 70–80. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-70-80>

1. INTRODUCTION

In the creation of a fictional work, authors utilize various expressive techniques to achieve communicative-pragmatic objectives. Some of these techniques are characteristic of specific genres, while others are bound only by the author's creativity and expertise. Satirical works frequently employ biting ridicule of real-world phenomena, pushing them to ludicrous extremes to draw readers' attention to issues that may be problematic in everyday life. This pragmatic effect is achieved through the use of hyperbole, which allows authors to emphasize the flaws of real-world situations by exaggerating aspects such as character traits, events, or settings in their fictional worlds.

The aim of this paper is to investigate the role of hyperbole in generating satirical effects within English-language satirical novels. It will delve into the linguistic and stylistic methods employed to convey the pragmatic value of exaggeration within the context of the text's artistic style. Additionally, the paper will explore the challenges and strategies involved in accurately translating these effects into Russian. To achieve these objectives, the research methods employed in this study encompass linguistic, functional-linguistic, comparative, and componential analyses of fictional discourse.

By examining the interplay between hyperbole and satire, this research seeks to provide a deeper understanding of the mechanisms that underpin the creation of satirical effects in literature. Furthermore, it aims to offer valuable insights for translators tasked with preserving these effects across languages and cultures.

2. HYPERBOLE IN FICTIONAL LITERATURE

Hyperbole is a common rhetorical device in literature and everyday conversation, where exaggeration is used to make a point or create a specific effect. Scholars have studied hyperbole from various angles, including its use in English language corpora [Claridge, 2010], in everyday conversations [McCarthy & Carter, 2004], and in combination with other figures of speech such as metaphor and simile [Carston & Wearing, 2011]. Hyperbole has been analyzed in various literary works, including, for instance, Shakespeare's "Romeo and Juliet" [Bian et al., 2021] and Keats's love letters [Altikriti, 2016]. Linguistic methods for identifying hyperbole in discourse have also been proposed [Burgers et al., 2016], and hyperbole has been studied in relation to other figures of speech, such as metaphor and irony [Burgers et al., 2018; Wilson, 2017]. Hyperbole is a versatile and widely used rhetorical device that plays an important role in both literature and everyday communication.

The use of hyperbole in literary texts has been analyzed through various interpretations. According to Belyaev [1989] hyperbolization is a technique of artistic generalization, where artistic imagery is achieved by intentionally exaggerating the properties, qualities, and features of an object, phenomenon, or process. Gorkin [2006] defines hyperbole as an expressive figurative device, intentional exaggeration of a feature of an object or person. Timofeev & Turaev [1974] consider hyperbole as excessive exaggeration of the properties of a depicted object or phenomenon, which serves as a tool for the author to emphasize what he ridicules and what he glorifies. Therefore, hyperbole is an artistic device used for intentional exaggeration of the properties of a phenomenon or object. Authors use hyperbole to break the plausibility of events and vividly demonstrate their evaluation of what they approve or condemn, deeming it unacceptable.

Hyperbole is a widely used technique in various genres, from epic poems to folk tales. As an example, we can take the epic of Svyatogor, who is described as a mighty ancient warrior, guarding the Russian land and ordinary people from enemies [Svyatogor-bogatyr'. Bylina, n.d.]. The authors exaggerate his physical characteristics, attributing to him extraordinary strength and immense height, to show his reliability and power. In the fairy tale of The Frog Princess, hyperbole is used to denote the incredible weight of the path that the main character must travel to find his wife in the Kingdom of Koschei. Through the use of hyperbole, the authors want to show how strong and brave the main character is, ready to undergo all trials for the sake of his beloved.

Let us turn our attention to the analysis of satirical works, among which the vivid example is Jonathan Swift's "Gulliver's Travels." The novel represents a multifaceted analysis of various manifestations of human vices. For instance, the first part of the book, "A Voyage to Lilliput," ridicules the contemporary English society through the lens of the Lilliputians and their emperor.

The Lilliputians evaluate themselves and their role in the world exceedingly highly, despite their small stature. This is reflected in the epithets used in the titles that the Lilliputian emperor bestows upon himself: "the mightiest Emperor," "the delight and terror of the universe," "monarch of monarchs," "the greatest of all human beings," "whose head touches the sun" [Swift, 2020]. Hyperbole makes the phenomena that the author focuses on excessively huge, outstanding, and out of context. Departure from the real world, the creation of a new world with its own rules and distinctive elements, is inherent in fantasy and, in particular, one of its offshoots, science fiction.

Science fiction is a literary genre whose foundation is based on imagination, grounded in scientific achievements that confront humanity with new realities of life and observe society's response to these realities. In this case, exaggerations can take different forms. Firstly, hyperbolizing the significance of the main character in the world of the work. For example, the sci-fi duology "Draft" and "Clean Copy" by Sergey Lukyanenko, where the main character Kirill becomes the chosen one and can influence this world, alternative worlds, and their further destiny. The series of science fiction books "Stalker" exaggerates the impact of the Chernobyl explosion in 1986, which generated special anomalous zones with unusual properties. In the novel "Jester" by Alexey Pehov, the element that forms the world and all its technological achievements is the exaggerated value of steam engines. In the novel "Roadside Picnic" by Arkady and Boris Strugatsky, hyperbole is utilized to create an exaggerated depiction of a mysterious "Zone" that has appeared on Earth, altering the laws of physics and affecting the lives of those who encounter it. Through the use of hyperbole, the authors are able to explore the implications of this phenomenon in a more engaging and imaginative manner, drawing readers into their fictional world and encouraging them to reflect on the real-life issues being satirized.

Thus, hyperbole is one of the most effective techniques of satire that allows authors to enhance the effect of criticism and mockery by exaggerating flaws and vices, as well as creating absurd characters and situations. By utilizing this technique, authors are able not only to expose social issues but also to make their works engaging and memorable. Hyperbole is an important tool of satirical art that has remained relevant and popular in both Russian and English-language literature from old times to the present day. The connection between science fiction and hyperbole is evident in the way that the world or plot element in such works becomes an exaggerated phenomenon of reality invented by the author, such as technological progress and others.

3. MATERIALS AND METHODS

The material for this study consists of the English-language science fiction novel “Bill, the Galactic Hero” by Harry Harrison and two translations into the Russian language by V. P. Kova-levsky. The study employed a functional-linguistic approach to analyzing the use of hyperbole in the selected fictional texts. Specifically, the study utilized the following methods of analysis:

1. Stylistic analysis: The study conducted a detailed analysis of the language and lexicon used in the novels. This analysis focused on identifying instances of hyperbole and their specific linguistic features, including the use of exaggerated vocabulary, metaphors, and similes.
2. Functional analysis: The study analyzed the function and purpose of hyperbole in the selected novels. This analysis focused on identifying the pragmatic effects of hyperbole on the reader and the ways in which it contributes to the satirical tone and message of the novels.
3. Comparative analysis: The study compared the use of hyperbole in the selected novel to other examples of satirical literature in the English language. This analysis aimed to identify common patterns and stylistic devices used by authors to achieve a satirical effect through hyperbole. Moreover, comparative analysis of translations was employed to specifically examine the original text of a novel and two of its translations. The aim of the analysis was to identify the methods used to translate hyperbole as a means of achieving a satirical effect and to evaluate the adequacy of these translations. The study focused on the translation of hyperbole as a significant tool for creating humor and satire in the target language, with the goal of determining how effective the translations are in conveying the original text’s satirical intent. By comparing the original text with its translations, this research provides valuable insights into the challenges of translating humor and satire, and the strategies used to overcome them.

The data for this study were collected through close reading of the above-mentioned texts, with specific attention paid to instances of hyperbole.

4. RESULTS & DISCUSSION

Satire and science fiction are closely intertwined, as the genre of science fiction allows authors to explore and comment on contemporary issues in a more imaginative and engaging manner. Through the use of scientific and technological advancements, science fiction authors can create their own worlds and examine humanity’s interaction with new phenomena. And within these created worlds, authors can utilize satire, including the use of hyperbole, to express their positions and dissent.

However, the challenge arises when translating works of satire from English to Russian. Translators face numerous challenges, as the expressive means used by the author may not have direct or equivalent counterparts in the Russian language. Thus, translators must consider finding an adequate replacement that does not distort the author’s intentions and contributes to a holistic perception of the work and its design.

In addition, translators must consider the cultural context in which the work was originally written and how it might be received by readers in the target language. Satire, in particular, often relies on cultural references and specific contextual knowledge, which may not be readily apparent to readers in the target language. The translator must be able to navigate these cultural differences and find ways to convey the satirical effect without losing the impact of the original work.

The use of hyperbole in science fiction as a tool of satire highlights the importance of the translator's role in conveying the author's intended meaning across linguistic and cultural barriers. By carefully considering the expressive means used by the author and finding adequate replacements in the target language, translators can help ensure that the satirical elements of a work are preserved, contributing to a more accurate and comprehensive understanding of the original work.

This paper aims to observe how hyperbole works in the satirical science fiction novel "Bill, the Galactic Hero" by Harry Harrison and how the translator copes with conveying it into Russian. The main character of the novel, Bill, is recruited into the Imperial Galactic Army to fight the chinger race, which has been waging war with varying success for many years. The army constantly needs new recruits, and unfair methods are used to achieve this, as no one willingly joins. A colorful propaganda campaign is conducted on all planets of the galaxy to attract new recruits. However, the harsh reality of the training camps and war differs greatly from the beautiful pictures presented in the campaign.

The novel has two editions with different translation variants by the same translator, V.P. Kovalevsky. The first expressive means used to convey the author's satirical intent is contextual hyperbole. During Bill's recruitment into the army, the sergeant does not hesitate to use the most radical methods, as no one would willingly go there.

"Here, I saved some for you," the sergeant said, passing over a prepared cup so loaded with dissolved ego-reducing drugs that they were crystallizing out at the bottom [Harrison, 2016, p. 3].

«Глянь-ка, парень, что я тут принас для тебя, — сказал сержант, протягивая ему заранее приготовленный стакан, в котором было растворено такое количество подавляющего волю наркотика, что на дно выпал кристаллический осадок» [Harrison, 2001, p. 6].

«Глянь-ка, парень, что я тут принес для тебя, - сказал сержант, протягивая ему стакан с таким количеством подавляющего волю наркотика, что часть его выпала на дно в осадок» [Harrison, 1991, p. 9].

In a situation where everyone knows that nothing good awaits them in the army, either the recruits cannot even pass the training camp where the methods are characterized by exceptional cruelty, or they are highly likely to be killed in war, making a person sign a contract can only be achieved through psychological and psychotropic influence (officially permitted). The drug was so plentiful that he fell into a stupor and became clearly visible. Both translations, carried out through calque, fully convey the original, varying only in the use of the word "кристаллический" to specify the quality of the stupor, which is not necessarily required in this case.

Another example of contextual hyperbole can be seen during the regular troops inspection:

Since the morning was a bit cooler than usual the Monday parade was postponed until upon when the ferro concrete drill ground would have warmed up nicely and there would be the maximum number of heat prostration cases [Harrison, 2016, p. 18].

1. Утро выдалось чуть прохладнее, чем обычно, поэтому смотр, регулярно проводимый по понедельникам, перенесли на полдень, чтобы железобетонные плиты плаца успели хорошенько раскалиться и обеспечили максимальное число солнечных ударов [Harrison, 2001, p. 21].

2. Это утро было чуть прохладнее, чем обычно, а поэтому парад перенесли на полдень, чтобы железобетонные плиты плаца успели хорошенько раскалиться и обеспечили максимальное число солнечных ударов [Harrison, 1991, p. 16].

Here we can also see a literal translation of the original text, with the colloquial word “хорошенько” chosen to translate the word “nicely,” fitting the situation well and reflecting the general level of speech in the army, where all kinds of people come together and high-flown language is not a priority.

The second device used to express hyperbole is stylistic contrast. We can observe this in the scene where Bill and his friends arrive at the leave area and can finally indulge in all the things they were deprived of in training camp – fun and drinking.

It was to one of these establishments, a mortuary cum saloon, that Bill and his friends went. “No jokes,” the landlord said, the smile vanishing for a second as he took down a bottle on which the garish label Rte. WHISKEY had been pasted over the etched in EMBALMING FLUID “Any trouble I call the MPs.” The smile returned as money struck the counter. “Name your poison, gents.” They sat around a long, narrow table as thick as it was wide, with brass handles on both sides, and let the blessed relief of ethyl alcohol trickle a path down their dust lined throats [Harrison, 2016, p. 25].

1. В одно из таких заведений - полусалун, полупохоронное бюро - и попал Билл со своими друзьями. - Не хулигань! - сказал хозяин, согнав с лица улыбку и доставая бутылку, на которой из-под яркой этикетки “Настоящее виски” просвечивала гравировка “Формальдегид”. - Будете безобразничать, так и военную полицию вызвать недолго. - Как только по прилавку застучали монеты, улыбка вернулась на место. - Травитесь на здоровье! Они уселись вокруг длинного узкого стола с медными ручками по бокам и отдались блаженству, ощущая, как благословенный поток алкоголя омывает их забитые пылью глотки [Harrison, 2001, p. 29].

2. Именно в такое заведение — наполовину кабак, наполовину похоронное бюро — и попал Билл со своими друзьями. Не хулигань! — рыкнул хозяин, и улыбка стерлась с его лица. Он снял с полки бутылку с крикливой этикеткой «Настоящее виски», наклеенной поверх другой, на которой значилось «Жидкость для бальзамирования». — Начнется заварушка, так и военную полицию вызвать недолго. — Улыбка вернулась на свое место. — Какой же отравы тяпнем, ребята? Они уселись вокруг длинного узкого гроба с бронзовыми ручками по бокам и с наслаждением ощутили, как этиловый спирт прожигает дорожки в пропыленных глотках [Harrison, 1991, p. 20].

The hyperbole in this passage lies in the extent to which everyone in the city where soldiers are discharged wants to profit off of them. Every institution is transformed into either a saloon or a brothel. The scene is built on vivid contrasts, beginning with the location itself, halfway between a drinking establishment and a funeral home. The translator varies the translation of the word “saloon,” offering both “салун” and “кабак” as options. “Салун” is the name for American bars, which also reflects the composition of their clientele, usually soldiers, cowboys, bandits, and other

similar individuals. On the other hand, the word “кабак” is much closer and more understandable to Russian-speaking readers. In this case, if the “letter” of the original is to be preserved, it would be appropriate to use the term “салун” with a translation note indicating the typical composition of patrons in saloons.

Even the drink containers were not changed; the liquid for embalming was simply poured out and a label reading “Настоящее виски” (Genuine Whiskey) was affixed on top, so that no one would even dare to doubt the contents. The only difference can be noted in the translation of “embalming fluid,” which was translated as “Формальдегид” (formaldehyde) or “жидкость для бальзамирования” (liquid for embalming). In the former case, a substitution was used, while in the latter, a calque was used, and it looks more successful since it does not carry the specificity and narrowness of the term in the first option. Not everyone knows what formaldehyde is, but one way or another, they are familiar with the meaning of the word “бальзамирование” (embalming).

A new layer of contrast can be seen in how quickly the owner’s mood changes, initially sullen and ready to call the military police upon seeing visitors, but immediately warming up upon seeing money, pouring drinks and ready to forgive any mischief.

After the owner gives the eager soldiers alcohol, he says, “Name your poison, gents.” This phrase received two translations: “Травитесь на здоровье!” (Poison yourselves to your heart’s content!) and “Какой же отравы тяпнем, ребята?” (Which poison shall we take, pals?). The first translation allowed the translator to create yet another layer of contrast expressed through an oxymoron, which the author did not intend, but which further intensifies the hyperbole. The second translation completely conveys the meaning of the original, without creating additional contrasts. In this case, the first translation option appears more successful and does not violate cause-and-effect relationships (the soldiers have already ordered their drinks, so it is illogical to ask them what they will be drinking).

And the final touch to this scene was the table around which Bill is sitting with his friends. Knowing that everything is happening in a hastily converted funeral parlor, it is not surprising that the table here is made from a coffin. Life and death are very close, with soldiers, the future of most of whom is that very table at which they drink, party and do not think about tomorrow. Let us consider the translations. In the first case the translator follows the letter of the original, creating an image, but not naming the specific attribute of the funeral industry, while in the second variant he is more specific and uses the word “гроб” (coffin) instead of “стол” (table). The translator omits the excessive descriptions from the original “as thick as it was wide,” and this decision looks correct, not overloading the created image. The second translation option is more ironic and successful, corresponding to the author’s intent, where the translator directly uses the word “гроб” (coffin).

The third device through which hyperbole is expressed is enumeration. It can be seen in the scene where the sergeant tries to get Bill to sign the military contract by hook or by crook. Here, hyperbole is expressed through the enumeration of the names of a multitude of useless medals with which Bill is adorned. This is a way of exerting psychological pressure on the almost ready recruit, planting the thought in his head that the further he goes up the military career ladder, the more and more awards he will have.

“This is the Honorable Enlistment Award,” he intoned gravely, pinning a jewel encrusted nebula, pendant on chartreuse, to Bill’s wide chest. “And the Emperor’s Congratulatory Gilded Horn, the Forward to Victory Starburst, the Praise Be Given Salutation of the Mothers of the Victorious Fallen, and the Everflowing Cornucopia which does not mean anything but looks nice and can be used to carry contraceptives [Harrison, 2016, p. 8].

«Вот “Почетная медаль новобранца”, - торжественно изрек он, прикалывая к широкой груди Билла инкрустированное камнями изображение туманности на зеленой ленте. - А вот “Императорский задравный золоченый рог”, “Вперед, к победе над звездами”, “Честь и слава матерям павших героев” и “Неиссякаемый рог изобилия”. Последний, правда, вообще ничего не значит, но выглядит классно, и в нем удобно хранить презервативы» [Harrison, 2001, p. 10].

«Вот «Почетный Знак Вступления в Ряды», — приговаривал он внушительно, прикалывая к широкой груди Билла усыпанную поддельными драгоценностями подвеску Туманности, болтавшуюся на зеленой ленте. — А вот «Императорский Поздравительный Позолоченный Рог», «Вперед к Победе Среди Звезд», «Памятная Медаль в Честь Матерей Достойно Павших Воинов» и «Неиссякаемый Рог Изобилия». Последний, правда, ровно ничего не означает, но выглядит славно и удобен для хранения презервативов» [Harrison, 1991, p. 10].

The translations of the medals vary, with both versions having successful and less successful examples. The first translation option demonstrates more concise and realistic names, while the second option is more in line with the author's intention, which uses inflated and pompous names to increase the effect of uselessness. Therefore, the latter translation is more successful. The sergeant himself emphasizes in his last phrase the fact that these medals have no sense or application, so the soldiers themselves came up with the idea of adapting one of the medals to store contraception. The practical benefit of the medal is quite down-to-earth compared to the meaning originally embedded in military medals, intended to showcase the heroism and positive qualities of their holder.

The fourth example of hyperbole can be highlighted through gradation and opposition. Here, the chief petty officer speaks to the new recruits in the training camp, setting the record straight on the commanding-subordinate relationships:

«I am your father and your mother and your whole universe and your dedicated enemy, and very soon I will have you regretting the day you were born» [Harrison, 2016, p. 12].

«Теперь я для вас отец и мать, вся ваша вселенная и ваш извечный враг, и очень скоро я заставлю вас пожалеть о том, что вы вообще родились на свет» [Harrison, 2001, p. 14].

«Я ваш отец, ваша мать, ваша вселенная и ваш извечный враг, и еще до того, как я покончу с вами, вы горько пожалеете, что родились на свет» [Harrison, 1991, p. 12].

Through the use of increasingly significant concepts such as parents, the entire world, and culminating in the unexpected appearance of an enemy, a hyperbolic effect is achieved. The sergeant embodies seemingly incompatible qualities, pushing the situation to absurdity. His promise that the recruits will regret ever being born completes the sergeant's image, in which he is not to be expected to do anything good, despite being “*your father and your mother and your whole universe,*” supposedly the only person who can take care of them. Through gradation and opposition, an exaggeratedly threatening image is created, making it clear that the sergeant does not care about the recruits' lives. In terms of gradation, both translation options are in agreement, with variations in the phrase “*I will have you regretting the day you were born,*” in which the first translation, an almost literal rendering, performed most successfully. The second translation option (which is a Russian version of “I’ll finish you all”) is overloaded with subordinate clauses (which were not in the original), needlessly complicating a rather simple idea. The sergeant speaks in a language

that is easy to understand for even the most intellectually challenged recruit. Therefore, the first translation option is more appropriate and logical in terms of realism. The ideal option would be to eliminate the pronoun “о том,” which would further “lighten” the phrase and bring it closer to the original.

5. CONCLUSION

The use of hyperbole is a fundamental literary device that has been employed across various genres and time periods. Its primary purpose is to amplify and emphasize certain aspects of the work by exaggerating them, and it plays a critical role in satirical science fiction novels written in English. In these works, hyperbole is used to highlight the negative and incorrect aspects of reality that the author wants to critique.

Hyperbole can be conveyed in a variety of ways, including through context, enumeration, gradation, opposition, and contrast. The translations examined in this study utilized a variety of techniques, including calquing and rare substitutions, to effectively convey the intended meaning of the hyperbole. However, despite the translators' success, it is crucial to acknowledge the importance of cultural context when using hyperbole in translation. The exaggeration that works in one culture may not be as effective or appropriate in another.

It is essential to recognize that the use of hyperbole requires skillful execution by both the author and the translator to be successful. The author must carefully select the degree of exaggeration and ensure that it serves the intended purpose. Similarly, the translator must consider the cultural nuances and select the appropriate means to convey the hyperbole effectively.

In conclusion, hyperbole is a powerful tool in literature that can create a lasting impact on the reader if used effectively. By skillfully selecting the appropriate degree of exaggeration and means of conveying it, authors and translators can create memorable works of literature that effectively convey their intended message.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Altikriti, S. (2016). A Pragmatic Analysis of Hyperbole in John Keats' Love Letters to Fanny Brawn. *Journal for the study of English Linguistics*, 4(1), 126-143.
2. Belyaev, A. A. (1989). *Estetika: Slovar' [Esthetics: Dictionary]*. Moscow, Politizdat. (in Russian).
3. Bian, F., Jayantini, I. G. A. S. R., & Karya, I. W. S. (2021). An Analysis of Hyperbole in Drama "Romeo and Juliet" by William Shakespeare. *ELYSIAN JOURNAL: English Literature, Linguistics and Translation Studies*, 1(2), 57-66.
4. Borisenko, Yu. I. (2010). O lingvisticheskom statue giperboly i mekhanizme yeye obrazovaniya [On the linguistic status of hyperbole and the mechanism of its formation]. *Humanitarian and Social Sciences*, 5, 110-116 (in Russian).

5. Borisenko, Yu. I. (2011). Mekhanizm obrazovaniya giperboly v russkoj rechi [The mechanism of hyperbole formation in Russian speech]. *The world of science, culture and education*, 1(26), 67-69 (in Russian).
6. Borisova, E. B., Blokhina, A. V., & Kucheryavenko, V. V. (2018). Translation as a subject of theoretical text analysis. *Training, Language and Culture*, 2(3), 55-70. doi: 10.29366/2018tlc.2.3.4
7. Burgers, C., Brugman, B. C., Renardel de Lavalette, K. Y., & Steen, G. J. (2016). HIP: A method for linguistic hyperbole identification in discourse. *Metaphor and Symbol*, 31(3), 163-178.
8. Burgers, C., de Lavalette, K. Y. R., & Steen, G. J. (2018). Metaphor, hyperbole, and irony: Uses in isolation and in combination in written discourse. *Journal of Pragmatics*, 127, 71-83.
9. Carston, R., & Wearing, C. (2011). *Metaphor, hyperbole and simile: A pragmatic approach*.
10. Claridge, C. (2010). *Hyperbole in English: A corpus-based study of exaggeration*. Cambridge University Press.
11. Gorkin, A. P. (2006). *Sovremennaya illyustrirovannaya enciklopediya "Literatura i yazyk"* [Modern illustrated encyclopedia "Literature and language"]. Rosmen-Press (in Russian).
12. Harrison, H. (1991). *Bill – Geroj Galaktiki* [Bill, the Galactic Hero]. Kn. Palata (in Russian).
13. Harrison, H. (2001). *Bill – Geroj Galaktiki* [Bill, the Galactic Hero]. Eksmo-Press (in Russian).
14. Harrison, H. M. (2016). *Bill, the Galactic Hero*. FictionBook Editor Release 2.
15. McCarthy, M., & Carter, R. (2004). "There's millions of them": hyperbole in everyday conversation. *Journal of pragmatics*, 36(2), 149-184.
16. Monakhova, E. (2019). Cognitive and pragmatic approach to using stylistic devices in English literary discourse. *Training, Language and Culture*, 3(1), 37-52. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.3
17. Mora, L. C. (2009). All or nothing: A semantic analysis of hyperbole. *Revista de Lingüística y Lenguas aplicadas*, 4, 25-35.
18. Propp, V. Yu. (1958). *Russkij geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow.
19. Svyatogor-bogatyr'. *Bylina* [Svyatogor the warrior. A fable]. Retrieved from <https://lukoшко.net/story/svyatogor-bogatyr.html> (accessed: 3 March, 2023).
20. Swift, J. (2020). *Gulliver's Travels*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
21. Timofeev, L. I., & Turaev, S. V. (1974). *Slovar' literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of literary terms]. Moscow: Prosveshchenie.
22. Verzhinskaya, I. V. (2020). Conceptual features of humor hyperpolarization in American artistic discourse. *Modern studies of social issues*, 12(5), 74-83.
23. Wilson, D. (2017). Irony, hyperbole, jokes and banter. In *Formal models in the study of language: Applications in interdisciplinary contexts*, 201-219.

About the authors:

Alina Yu. Ievleva is a Master's degree student in the Department of Translation and Cross-Cultural Communication at Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia). Her scientific interests include the theory of translation, functional linguistics, cross-cultural communication, and pragmatics.

Dmitry S. Khramchenko, Dr. Sci. (Philology), is a professor in the Department of English Language №4 at MGIMO University (Moscow, Russia). His research areas include functional linguistics, the evolution of professional discourse, linguosynergetics, pragmatics, discourse analysis, rhetoric and culture of business communication, teaching Business English communication, stylistics, and British and American studies. He is the author of over 120 publications, including three monographs and ten textbooks. ORCID: 0000-0003-3038-8459.

Received: March 3, 2023.

Accepted: May 6, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-81-89>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ УЧЕБ- НОГО ПОСОБИЯ ПО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

И.А. Проничева

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
pia-155@mail.ru*

Аннотация: В статье описана методика разработки учебных материалов по современной русской литературе для иностранцев, изучающих русский язык. Методика основана на предметно-языковом интегрированном обучении (CLIL) иностранному языку, которое является одним из ведущих современных подходов при обучении различным дисциплинам на иностранном языке. Использование CLIL подразумевает преподавание дисциплины на аутентичном языковом материале. В методике преподавания русского языка как иностранного предметно-языковое интегрированное обучение может применяться для изучения языка посредством использования аутентичных текстов и заданий к ним. Применение данного подхода при обучении современной русской литературе способствует формированию лингвокультурной компетенции у иностранных учащихся, а также совершенствованию языковой и речевой компетенций. Пособие разрабатывается на материале фрагментов из произведений современных российских писателей с добавлением биографической информации, аннотаций к произведениям, мнения критиков и других аутентичных текстов. Следует отметить, что рассматриваемое издание является не хрестоматией, а чётко структурированным учебным пособием, содержащим систему предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий. Пособие предназначено для аудиторной и самостоятельной работы обучающихся, изучающих русский язык как иностранный на филологических факультетах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, предметно-языковое интегрированное обучение, современная русская литература, учебное пособие, лингвокультурная компетенция.

Для цитирования: Проничева И.А. (2023). Использование предметно-языкового интегрированного обучения при разработке учебного пособия по современной русской литературе для изучающих русский язык как иностранный. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 5(2), С. 81–89. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-81-89>

1. ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее актуальных подходов в обучении иностранным языкам является предметно-языковое интегрированное обучение, или CLIL (Content and Language Integrated Learning). При этом подходе изучение иностранного языка базируется на четырёх принципах: *содержание* (учебный предмет), *коммуникация* (использование языка для обучения и одновременно обучение языку), *мышление* (развитие навыков мышления, которые связывают формирование концепций, понимание и язык) и *культура*. Выделяют два подхода в реализации CLIL [Met, 1997, p. 27]:

- 1) предметно-ориентированный, в котором обучение сконцентрировано на содержании дисциплины;
- 2) лингвистически-ориентированный, который направлен на изучение иностранного языка через предмет.

Предметно-языковое интегрированное обучение широко используется с 1990-х годов при обучении английскому, французскому, немецкому и другим распространённым иностранным языкам, и лишь в последние годы данный подход начал применяться к обучению иностранцев русскому языку. В частности, издательство «Златоуст» представило учебные пособия Гусевой Е.Ю., Дворкиной Е.А., Поляковой Ю.Д. «География – 6» [Гусева и др., 2016], «Физика – 7» [Гусева и др., 2016], «Биология – 8» [Гусева и др., 2017], в которых учебные тексты из популярных учебников по дисциплинам школьной программы сопровождаются заданиями по русскому языку как иностранному. Задания включают в себя подстановочные упражнения (выбор глагола совершенного или несовершенного вида, употребление имени существительного в нужной падежной форме), задания на словообразование слов разных частей речи, пересказ учебного текста, задания на понимание содержания текста и др. Данные пособия адресованы учащимся, для которых русский язык является иностранным или неродным/вторым родным.

К сожалению, на данный момент учебных пособий, основанных на предметно-языковом интегрированном подходе к обучению русскому языку как иностранному, недостаточно, хотя в них есть потребность у учащихся и педагогов. В связи с вышеизложенным нами ведётся создание учебного пособия по современной русской литературе для студентов-филологов, изучающих русский язык как иностранный вне языковой среды.

2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается структура разрабатываемого учебного пособия и принцип организации учебного материала в нём. Учебное пособие «*Читаем современную русскую литературу*» (с лингвострановедческим комментарием на таджикском языке) разрабатывается коллективом авторов – сотрудниками Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого совместно с коллегами из Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан).

Данное учебное пособие основано на коммуникативном методе обучения иностранному языку и соответствует принципам предметно-языкового интегрированного обучения. Цель разрабатываемого пособия: 1) дать иностранным учащимся представление о ключевых авторах современной русской литературы и познакомить с фрагментами их произведений; 2) сформировать лингвокультурную компетенцию у иностранных учащихся; 3) усовершен-

ствовать языковую и речевую компетенции у обучающихся. Иными словами, пособие нацелено на развитие коммуникативной компетенции, которая «предполагает осуществление деятельности с использованием языковых средств» [Бердичевский, Голубева, 2015, с.35] и в структуре которой Д. Хаймс выделял грамматическую, социолингвистическую и дискурсивную компетенции [Hymes, 1971].

В пособии представлены только аутентичные тексты. Согласно основным принципам общеевропейских компетенций владения иностранным языком, учебный процесс должен опираться на аутентичные речевые ситуации и аутентичные тексты. Термин «аутентичный» может быть интерпретирован по-разному: 1) созданный носителями языка для носителей языка, не для учебных целей; 2) естественный для носителей языка с точки зрения языковой нормы, узуса, культуры и менталитета. Основными критериями отбора аутентичных текстов для учебного пособия по русскому языку как иностранному являются следующие:

- 1) текст создан не для учебных целей;
- 2) текст не подвергся количественной и/или качественной адаптации;
- 3) сохранено оригинальное оформление, характерное для текстов такого жанра.

По мысли Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «если мы желаем включить произведения искусства в круг источников лингвострановедческой информации, то должны главное внимание направить на формирование умений и навыков восприятия этой информации. Постоянно истолковывать явления искусства, «опускать» их на уровень готовности адресата — далеко не всегда правильно» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 208].

Одна из основных проблем при работе иностранных учащихся с аутентичным художественным текстом – языковая, когнитивная, культурологическая доступность для понимания. Аутентичный художественный текст создавался автором не для учебных целей и направлен на восприятие носителями языка, поэтому иностранный читатель сталкивается с незнакомой лексикой, экспрессивным синтаксисом, историческим и культурным контекстом произведения. В учебном пособии, основанном на интегрированном предметно-языковом обучении, первоочередной задачей является совершенствование языковых и речевых навыков учащихся на аутентичном языковом материале, а именно понимание аутентичного текста, который отражает современную речь носителей языка.

Перечислим сложности аутентичного художественного текста с точки зрения методики преподавания русского языка как иностранного:

- 1) требуется высокий уровень владения языком (выше B1);
- 2) большой объём текста (повесть или роман);
- 3) большое количество слов, не входящих в лексический минимум;
- 4) культурно-исторический контекст требует комментария;
- 5) сложность текста приводит к демотивации учащихся.

Таким образом, аутентичные тексты являются ценными с точки зрения погружения в языковую среду, но могут быть слишком трудны для обучающихся, так как создавались не для учебных целей. В нашем пособии недостатки аутентичного текста устраняются при помощи семантизации незнакомой лексики и выполнения системы упражнений к каждому тексту.

Тексты для пособия были отобраны в соответствии со следующими критериями:

- 1) время написания произведений (с середины 1990-х годов и позднее);
- 2) доступность текста для читателей, владеющих русским языком как иностранным на уровне B1+;

- 3) языковая и культурная репрезентативность текста;
- 4) отображение ценностных и идейных представлений молодого поколения россиян.

В частности, рассказ Гузель Яхиной «Родословная» [Яхина, 2018] соответствует вышеуказанным критериям: написан в 2018 году, имеет небольшой объём, содержит мало незнакомой для иностранного читателя лексики, лексика рассказа позволяет изучить различные языковые аспекты (например, словообразование имён прилагательных), упоминаются разные города России (можно предложить студентам найти их на карте), показана важность сохранения семейного наследия, центральные темы рассказа – темы семьи и памяти.

Следует отметить, что пособие не является хрестоматией, так как центральное место все-таки занимает изучение русского языка путём выполнения заданий к текстам.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В разрабатываемом учебном пособии каждый раздел имеет чёткую структуру, которая будет рассмотрена далее.

Каждый раздел, знакомящий учащегося с современным российским писателем, начинается с *инпута* – вступительной части, цель которой заинтересовать обучающихся (иллюстрация или цитата, диалог, видеоролик и т.д.). Приведём следующий пример: *Роман российской писательницы Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015) был переведён на разные языки мира. Посмотрите на фотографии обложек и скажите, чем они похожи и чем отличаются. Составьте краткое описание обложки, которая кажется вам наиболее красивой и необычной. Как вы думаете, о чём этот роман?*

В качестве инпута можно использовать иллюстрацию к произведению, видеоролик с информацией об авторе или с краткими фактами о произведении, цитату из произведения или известное высказывание автора. Например, изображение генеалогического древа перед изучением рассказа Гузель Яхиной «Родословная».

Следующей частью раздела является информация об авторе. В качестве источника информации может быть использован официальный сайт автора, текст биографического характера, автобиографический текст (при наличии) или отзывы критиков об этом писателе.

При работе с биографическим текстом необходимо помнить о его языковой составляющей. Нами используются подстановочные лексико-грамматические задания, например: «Используя лексику из облака слов, заполните пробелы в тексте и расскажите, что вы узнали о писательнице. Посмотрите информацию на официальном сайте Гузель Яхиной.

Используя материалы сайта, найдите ответы на вопросы:

1. Какие романы написала Гузель Яхина?
2. Как называется её дебютный (первый) роман?
3. В каком году этот роман был опубликован?
4. Какие ещё произведения, кроме романов, написаны Г. Яхиной?
5. Есть ли экранизации (фильмы по книге) романов писательницы?»

Далее переходим к знакомству с произведением – рассказом «Родословная». Предлагается комплекс предтекстовых заданий. Предтекстовые задания направлены на снятие лексико-грамматических трудностей (работа с однокоренными словами, определение значения сложного слова по его частям). Возможны следующие варианты заданий: 1) подбор синонимов и антонимов к словам; 2) семантизация многозначной лексики; 3) трансформационные задания (преобразование активных конструкций в пассивные, и наоборот, передача сути

высказывания другими словами); 4) задание для обучения работе со словарём; 5) задание на прогнозирование; 6) задания на формирование фоновых знаний (найти в тексте имена собственные или топонимы, определить значение фразеологизма из контекста); 7) задания для предтекстового ориентирования читающего. Затем переходим к отдельным видам упражнений.

1. Упражнения на словообразование. Определите значение имён прилагательных. От каких существительных они образованы? С помощью каких суффиксов?

Восьмилетняя дочь

Покойная тётка

Архивные папки

Семейное древо

Казанский купец

Сибирское оканье

Татарская старуха

Белоснежный платок

Разномастные и разновозрастные портреты

Бобровая шуба

2. Лингвистический комментарий. Семантизация лексики.

Предок – предки

Потомок – потомки

Поколение

Дед – прадед

Бабка – прабабка

Пращур

Далее учащимся предлагается полный текст рассказа «Родословная». Незнакомые слова, которые важны для понимания, но не входят в лексический минимум (*мордашка, коммуналка, оканье* и др.), отмечены «звёздочкой». Далее даны комментарии к этим словам.

К тексту рассказа составлены притекстовые упражнения, направленные на проверку понимания прочитанного (*озаглавьте абзацы текста; разбейте текст на отдельные смысловые части; найдите в тексте предложения, которые являются ответом на вопросы...; передайте главную мысль текста своими словами...; опишите/расскажите..., опираясь на текст*).

После чтения текста учащимся предлагается выполнить послетекстовые задания (языковые упражнения, упражнения на понимание, творческие задания с использованием интерактивных форм обучения). Примеры послетекстовых заданий:

1. Опираясь на текст, закончите предложения.

2. Прочитайте высказывания и отметьте соответствие содержанию текста («да»), несоответствие («нет») и отсутствие информации в тексте («нет в тексте»).

3. Вы учитель русского языка в школе. Сократите текст таким образом, чтобы его главные идеи можно было объяснить за 3 минуты. Замените предложения из текста более доступными для понимания.

4. Задания на трансформацию текста.

Изучение каждого раздела пособия завершается итоговым тестированием: тест по содержанию текстов, лингвострановедческий тест (проверка усвоения лексики урока, уровня сформированности фоновых знаний).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учебное пособие «Читаем современную русскую литературу» основано на предметно-языковом интегрированном обучении, которое можно применять при преподавании различных учебных дисциплин, что способствует не только более полному освоению материала обучающимися, но и формированию коммуникативной и лингвокультурной компетенций у них.

Иностранные обучающиеся знакомятся с некоторыми представителями современной русской литературы и фрагментами их произведений, анализируют материал с точки зрения языкового и идейного содержания.

Для обеспечения реализации данного подхода следует учесть, что суть предметно-языкового интегрированного обучения состоит не в адаптации текстов для понимания иностранцами, а разработке системы упражнений для работы с аутентичным текстом. Данный подход представляется нам перспективным и актуальным для обучения иностранных учащихся предметам на русском языке.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердичевский А.Л., Голубева А.В. Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании РКИ. М., 1990.
3. Гусева Е.Ю., Дворкина Е.А., Полякова Ю.Д. Биология 8: пособие по биологии для школьников с родным нерусским. СПб: Златоуст, 2017.
4. Гусева Е.Ю., Дворкина Е.А., Полякова Ю.Д. География 6: пособие по географии для школьников с родным нерусским. СПб: Златоуст, 2016.
5. Гусева Е.Ю., Дворкина Е.А., Полякова Ю.Д. Физика 7: пособие по физике для школьников с родным нерусским. СПб: Златоуст, 2016.
6. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. М.: Флинта, 2017.
7. Яхина Г.Ш. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://yakhina.info> (дата обращения: 06.03.2023).
8. Яхина Г.Ш. Родословная [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://magazine.bosco.ru/no.44/reading/#> (дата обращения: 06.03.2023).
9. Clegg J. Planning CLIL lessons. Retrieved from <https://www.onestopenglish.com/clil/article-planning-clil-lessons/500472.article> (дата обращения: 06.03.2023).
10. Coyle D. Content and Language Integrated Learning: Towards a Connected Research Agenda for CLIL Pedagogies // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2007. Vol. 10. No. 5. P. 543–562. doi:10.2167/beb459.0

11. Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and language integrated learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
12. Hřebečková, M. Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange // Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3. No. 4. Pp. 8-17. doi: 10.29366/2019tlc.3.4.1
13. Hymes D.H. On communicative competence. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.
14. Kompara Lukančič, M. Language learning with physical activity: The case of learning Italian in tourism // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. No. 3. Pp. 10-28. doi 10.22363/2521-442X-2021-5-3-10-28
15. Marsh D. Content and Language Integrated Learning (CLIL). A development Trajectory. Cordoba: University of Cordoba, 2012.
16. Met M. Integrating Language and Content: Issues to Consider // Ikastaria. 1997. Vol. 9. P. 27–39. Retrieved from <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/ikas/09/09027039.pdf> (дата обращения: 06.03.2023).
17. Meyer O. Introducing the CLIL-Pyramid: Key Strategies and Principles for Quality CLIL Planning and Teaching. In M. Eisenmann, T. Summer (Eds.). Basic Issues in EFL-Teaching and Learning (pp. 295-313), Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2011.
18. Mohan B., van Naerssen M. Understanding cause-effect: learning through language // Forum. 1997. Vol. 35 (4).
19. Mohan B., Beckett G. B. A functional approach to research on content based language learning: Recasts in causal explanations // Modern Language Journal. 2003. N. 87. P. 421–432.

REFERENCES

1. Berdichevskij, A.L., & Golubeva, A.V. (2015). *Kak napisat' mezhkul'turnyj uchebnik russkogo jazyka kak inostrannogo* [How to write an intercultural textbook on Russian as a foreign language]. SPb.: Zlatoust (in Russian).
2. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1990). *Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii RKI* [Language and culture: Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow (in Russian).
3. Guseva, Ye.Yu., Dvorkina, Ye.A., & Polyakova, Yu.D. (2017). *Biologiya 8: posobie po biologii dlya shkol'nikov s rodnym nerusskim* [Biology 8: textbook for speakers of Russian as a foreign language]. SPb.: Zlatoust (in Russian).
4. Guseva, Ye.Yu., Dvorkina Ye. A., Polyakova Yu.D. (2016). *Geografiya 6: posobie po geografii dlya shkol'nikov s rodnym nerusskim* [Geography 6: textbook for speakers of Russian as a foreign language]. SPb.: Zlatoust (in Russian).
5. Guseva, Ye.Yu., Dvorkina Ye. A., Polyakova Yu.D. (2016). *Fizika 7: posobie po fizike dlya shkol'nikov s rodnym nerusskim* [Physics 7: textbook for speakers of Russian as a foreign language]. SPb.: Zlatoust (in Russian).
6. Shchukin, A.N. (2017). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: uchebnoe posobie* [Methodology of teaching Russian as a foreign language: textbook]. Moscow: Flinta.
7. Yakhina, G.Sh. Official website. Retrieved from <https://yakhina.info> (accessed: 6 March, 2023) (in Russian).

8. Yakhina, G.Sh. (2018). *Rodoslovnaja [Pedigree]*. Retrieved from <https://magazine.bosco.ru/no.44/reading/#> (accessed: 6 March, 2023) (in Russian).
9. Clegg, J. (n. d.). *Planning CLIL lessons*. Retrieved from <https://www.onestopenglish.com/clil/article-planning-clil-lessons/500472.article> (accessed: 6 March, 2023).
10. Coyle, D. (2007). Content and Language Integrated Learning: Towards a Connected Research Agenda for CLIL Pedagogies. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 10(5), 543–562. doi:10.2167/beb459.0 (accessed: 6 March, 2023).
11. Coyle, D., Hood, P., & Marsh, D. (2010). *CLIL: Content and language integrated learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Hřebočková, M. (2019). Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange. *Training, Language and Culture*, 3(4), 8-17. doi: 10.29366/2019tlc.3.4.1
13. Hymes, D.H. (1971). *On communicative competence*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
14. Kompara Lukančič, M. (2021). Language learning with physical activity: The case of learning Italian in tourism. *Training, Language and Culture*, 5(3), 10-28. doi 10.22363/2521-442X-2021-5-3-10-28
15. Marsh, D. (2012). *Content and Language Integrated Learning (CLIL). A development Trajectory*. Cordoba: University of Cordoba.
16. Met, M. (1997). Integrating Language and Content: Issues to Consider. *Ikastaria*, 9, 27–39. Retrieved from <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/ikas/09/09027039.pdf> (accessed: 6 March, 2023).
17. Meyer, O. (2011). Introducing the CLIL-Pyramid: Key Strategies and Principles for Quality CLIL Planning and Teaching. In M. Eisenmann, T. Summer (Eds.). *Basic Issues in EFL-Teaching and Learning* (pp. 295-313), Heidelberg, Universitätsverlag Winter.
18. Mohan, B., & van Naerssen, M. (1997). Understanding cause-effect: learning through language. *Forum*, 35(4).
19. Mohan, B., & Beckett, G. B. (2003). A functional approach to research on content based language learning: Recasts in causal explanations. *Modern Language Journal*, 87, 421–432.

Информация об авторе:

Проничева Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Получено: 25 февраля 2023 г.

Принято к публикации: 6 апреля 2023 г.

**BRINGING MODERN RUSSIAN LITERATURE TO LIFE:
AN INNOVATIVE TEXTBOOK USING CONTENT AND LANGUAGE
INTEGRATED LEARNING FOR STUDENTS
OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Inna A. Pronicheva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)
pia-155@mail.ru*

Abstract: The article outlines an innovative approach to teaching modern Russian literature to international learners studying Russian as a foreign language. The method is based on Content and Language Integrated Learning (CLIL), a widely recognized approach to teaching various disciplines in foreign languages. By employing authentic materials and exercises, this approach helps learners to build their linguocultural competency while improving their language and speech competencies. The article proposes a well-structured students' book that includes modern Russian writers' texts, biographies, summaries, possible criticism of their works, and other authentic materials. The textbook is designed to be used for classwork and homework by students studying Russian as a foreign language at Philology departments. This approach has the potential to enhance learners' understanding and appreciation of modern Russian literature while simultaneously improving their language skills.

Keywords: Russian as a foreign language, Content and Language Integrated Learning, modern Russian literature, textbook, international learners, linguocultural competency, language skills.

How to cite this article: Pronicheva, I.A. (2023). Bringing Modern Russian Literature to Life: an Innovative Textbook Using Content and Language Integrated Learning for Students of Russian as a Foreign Language. *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 81–89 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-81-89>

About the author

Inna A. Pronicheva, Cand. Sci (Philology), is an Associate Professor in the Department of Russian as a Foreign Language at Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia). She has expertise in teaching Russian as a Foreign Language and her research interests include second language acquisition, intercultural communication, and the methodology of teaching Russian as a Foreign Language.

Received: February 25, 2023.

Accepted: April 6, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-90-94>

NEW OPPORTUNITIES FOR THE HUMANITIES: PROFESSIONAL POLYLOGUE IN A MULTILINGUAL WORLD

Review of the first international scientific and practical conference
“Professional polylogue in a multilingual world:
language, culture, method”
(Moscow, April 6–7, 2023).

Sofia A. Bakaeva,
s.bakaeva@my.mgimo.ru

Ekaterina A. Samorodova,
samorodova.ekaterina.78@mail.ru

MGIMO University (Moscow, Russia)

Abstract: This paper presents a review of the first International Scientific and Practical Conference “Professional Polylogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method”, which was held at MGIMO University (Moscow, Russia) on April 6–7, 2023. The conference aimed to explore various issues related to linguistics, foreign language teaching, and socio-cultural factors in modern language education. The event brought together over 300 specialists who participated as speakers and active listeners in seven sections, three online discussion panels, a round table, and a student section “Potential”. Discussions included significant aspects of foreign language learning, trends and stages in foreign language teaching methods, the formation of professional identity in a multilingual world, and the cultural aspect of learning and self-development of both students and teachers.

Keywords: professional communication, multilingual world, teaching foreign languages, conference, cross-cultural communication.

How to cite this article: Bakaeva, S.A., Samorodova, E.A. (2023). New Opportunities for the Humanities: Professional Polylogue in a Multilingual World. Review of the first international scientific and practical conference “Professional polylogue in a multilingual world: language, culture, method” (Moscow, April 6–7, 2023). *Professional Discourse & Communication*, 5(2), pp. 90–94. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2023-5-2-90-94>

The modern world is currently experiencing a period of rapid transformations. The advancement of new technologies and the widespread dissemination of technological progress have led to the emergence of novel forms of activity and cooperation. In this era of change, shocks, and crises, successful development hinges on the ability to harness the synergistic effects of interdisciplinary approaches, flexible methods, and effective collaboration between diverse fields.

In this context, it is more important than ever to foster a professional dialogue that cuts across language barriers, enabling constructive engagement towards the common goals of enhancing education quality, promoting academic research communication, and facilitating intellectual exchange and inter-university cooperation.

The International Scientific and Practical Conference “Professional Dialogue in a Multilingual World: Language, Culture, Method,” held in April of this year at the Moscow State Institute of International Relations, offers an exciting new platform for interdisciplinary discussion on teaching foreign languages in a professional and multilingual context. The conference’s concept, fully reflected in its goals, emphasizes the importance of creating and maintaining productive scientific discourse within a multilingual space while exploring novel perspectives on current trends in research.

The conference brought together over 300 specialists from various fields and disciplines from leading universities in Moscow, St. Petersburg, Perm, Yekaterinburg, Nizhny Novgorod, Samara, Smolensk, Tomsk, Voronezh, Arkhangelsk, Kaliningrad, and many other cities. Representatives of the professorial and teaching staff of the Minsk State Linguistic University (Republic of Belarus) actively participated in the event. The global goal of such a large-scale collaboration was to analyze current scientific trends and seek interdisciplinary and inter-professional connections in modern humanities research. The conference was organized by the Department of French Language at MGIMO University, namely members of the Organizing Committee: Ogorodov M.K., Loseva N.V., Samorodova E.A., Bakayeva S.A.

The main topics of research and discussion presented at the conference included: foreign languages (Romance, Germanic, rare languages) in synchrony and diachrony: phonetics, vocabulary, phraseology, morphology, syntax; current issues in teaching foreign languages in the modern multilingual world; cultural, psycholinguistic, and didactic aspects of multilingualism; professional competencies and language identity of a foreign language teacher in the modern world, issues of training specialists to work in a multilingual audience; the language of profession as the foundation for forming the professional identity of future specialists: current approaches to teaching; translation studies: theory and practice, conceptual framework, methods and problems; cultural code in teaching foreign languages: literature, art, history.

The conference’s work took place in seven thematic sections, where participants presented their research.

At the conference, special attention was given to the reports presented at the plenary session, which focused on the professional discourse in foreign languages as an object of linguistic and didactic research. The main themes were the paradigms of preparing specialists for communication in the multilingual dimension of their professional activities, interdisciplinary approaches to studying professional discourse, and dialogue as a principle for teaching a foreign language. These studies served as a starting point for further discussion within thematic sections dedicated to various aspects of linguistics, foreign language teaching methodology, cultural issues, and the formation of a modern teacher’s professional identity in the multilingual world.

The section on “Foreign Languages (Romance, Germanic, Rare Languages) in Synchrony and Diachrony” was dedicated to various issues of linguistics and language studies and allowed the identification of several main research trends in these areas. The topics included the semantics and stylistics of modern language, phonostylistics, lexical analysis of the press, the structure and semantics of modern prose, and phraseological expressions in modern professional discourse. A wide range of research was dedicated to changes in vocabulary and the emergence of new lexical units as an inevitable consequence of progress. Thus, current linguistic concepts in the modern language of certain European countries, the reflection of linguistic changes in political media discourse, and neologisms as a positive “side effect” of the pandemic were examined. This section was one of the most extensive and was divided into two subsections: “Germanic Languages in Synchrony and Diachrony: Phonetics, Lexicon, Phraseology, Morphology, Syntax” and “Romance and Rare Languages in Synchrony and Diachrony: Phonetics, Lexicon, Phraseology, Morphology, Syntax. General Issues of Linguistics”.

During the conference section on “Translation Studies: Theory and Practice. Terminology, Methods, and Issues,” various types of translation were discussed. Presentations on literary, political, simultaneous, and consecutive translation were given by conference participants. Translation is one of the most challenging language-related activities and requires extensive preparation from specialists. In this section, participants engaged in discussions not only on theoretical issues but also on translation strategies, as well as the training of specialists for working with students in the study of political, legal, and economic translation. Experts also paid attention to machine translation and artificial intelligence – phenomena that cannot be ignored, given the speed of development of new technologies. Social and political contexts were also touched upon in the discussion of manipulations in media translation and the specificities of interpreting and conveying realities.

The main approaches and methods of teaching foreign languages in the context of the use of new technologies were discussed in the section on “Current Issues in Teaching Foreign Languages in the Modern Multilingual World.” The works presented an enormous experience of specialists in Eastern, European, and African languages, reflecting the main trends in modern language didactics and pedagogy. The authors of the presentations shared their knowledge of the use of modern information and communication technologies in foreign language learning and demonstrated the organization of the language learning process using modern educational platforms and the teacher’s personal website. All presentations sparked great interest and led to lively discussions, ultimately resulting in the participants arriving at conclusions that allow for the establishment of new concepts for teaching foreign languages, based on the interaction of old and new schools, merging traditions and new technologies.

The challenges of multilingual communication have become a key topic of discussion regarding cultural, psycholinguistic, and didactic aspects of multilingualism. Research topics have included interlingual and intercultural interactions, multilingual spaces in universities, code-switching, artificial intelligence, and psycholinguistic issues related to foreign language acquisition. Participants in the section concluded that the modern world requires new concepts and approaches to foreign language learning within the context of multilingual collaboration. Additionally, the concept of the identity of the modern language teacher was examined from a communicative standpoint, specifically addressing the value of plurilingualism for language professionals. Attendees of the symposium agreed that learning a second or subsequent language inevitably leads to a transfor-

mation of language consciousness and a reorganization of verbal and conceptual connections that support cognitive and communicative activities. The unique plurilingual competencies of language professionals were discussed, particularly for those in humanities professions for whom language serves as both the goal, content, and means of professional activity.

The section “Foreign Language Teacher: Professional Competencies and Language Identity in the Modern World” focused on questions related to the preparation of foreign language teachers. A teacher-inspirer is the foundation of a successful educational process. What should a teacher be like? What competencies must they possess to meet the requirements of the modern world? During the session, a comparative analysis was presented of the activities of teachers during extended periods of stability and during times of change. A complex of “personal qualities - competencies – strategies” was proposed for the successful implementation of teaching practice. Speakers and participants discussed the prospects of modeling the context of cultural and educational activities within the process of foreign language teacher training, the use of modern technologies to improve the professional competencies of specialists, and the importance of a teacher’s polycultural competency.

The conference gave particular attention to the section titled “The Language of the Profession as the Foundation for the Formation of the Professional Identity of Future Specialists: Current Approaches in Teaching.” The foreign language of a profession, as an integral part of many humanities professions, plays a key role in forming the professional identity of future specialists. New and effective teaching methods for the language of the profession were proposed in the reports presented at the conference. The existing educational materials were analyzed and the vector of further development was outlined. Colleagues paid special attention to the stages and trends in teaching foreign languages in the fields of law, international relations, international journalism and PR technologies, commercial correspondence, and other related areas.

In the section titled “Cultural Code in Foreign Language Education: Literature, Art, History,” issues of an interdisciplinary approach to teaching foreign languages were discussed. The processes of globalization and new technologies open up a vast and complex multilingual world for future professionals, in which it is impossible to compete without a “cultural reference.” When studying a foreign language for professional purposes, students are obliged to have an understanding of the culture and traditions of the country they are interested in. Should the foreign language teacher include new tools that expand the intellectual range of the student in the teaching program? This question sparked a lively discussion among the section participants. They concluded that in a rapidly changing world, oversaturated with information, it is necessary to seek new methods not only for mastering specific language competencies but also for increasing student motivation. Engaging literary works and their adaptations, cinema, music, theater, painting, etc. is an excellent way to offer the student a new educational experience, pursuing several practical goals at once. The section included twenty presentations dedicated to cultural approaches to the development of teaching methodology, cross-cultural communication, art as a tool for teaching foreign languages, teaching through home reading, prose, and poetry, the importance of cultural code in academic writing education, engaging creative artifacts to form foreign language communicative competence, the influence of theater on motivation, the relationship between machine translation and cultural literacy of students, and much more.

On the second day of the conference, the “Potential” section was organized, where students from different universities (Moscow State Pedagogical University, Moscow State Linguistic University, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Institute of International Education at Moscow State Pedagogical University, Saint Petersburg State University, Plekhanov Russian Uni-

versity of Economics, Perm State University, MGIMO University, MGIMO-Odintsovo, and others) gave in-person and poster presentations on their initial steps in scientific research in the fields of linguistics, language teaching methodology, translation studies, literary studies, and cultural studies. The students not only shared their work but also actively participated in discussions, exchanged opinions, and received feedback and comments from expert teachers who attended as listeners and moderators.

Following that, a round table discussion entitled “Teaching Today: Antifragility, Flexibility, Creativity, Interdisciplinarity” was held, during which colleagues discussed issues related to the advantages and disadvantages of distance learning, talked about innovations and technical possibilities that have emerged after the transition to online, and held a discussion on the topic of the personality of the modern student. Colleagues discussed the portrait of the modern student in cognitive and cultural aspects, considered the influence of gadgets on the level of teachability, and debated the introduction of new forms of teaching that would take into account changes in the formation of the personality of the student - a representative of a new generation.

The completion of the second day of the conference included three parallel online discussion panels, which provided an opportunity for specialists who were unable to attend the event in person to fully participate in the conference. The first panel was titled “Teaching Foreign Languages Today”. The second panel focused on “General Issues in Linguistics,” while the third was dedicated to translation studies, multilingualism, and language for the professions.

The conference was conducted in a spirit of cooperation and mutual understanding. This new direction in the development of inter-university international polylogical communication made it possible to bring together different schools of foreign language teaching, consider the most important issues of developing the professional and cultural identity of future specialists through the study of foreign languages, and the development of linguistics and language teaching during a period of transformation.

About the authors:

Sofia A. Bakaeva, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of the French Language at MGIMO University (Moscow, Russia).

Ekaterina A. Samorodova, Cand. Sci. (Jurisprudence), is an Associate Professor in the Department of the French Language at MGIMO University (Moscow, Russia).

Received: April 15, 2023.

Accepted: May 13, 2023.